

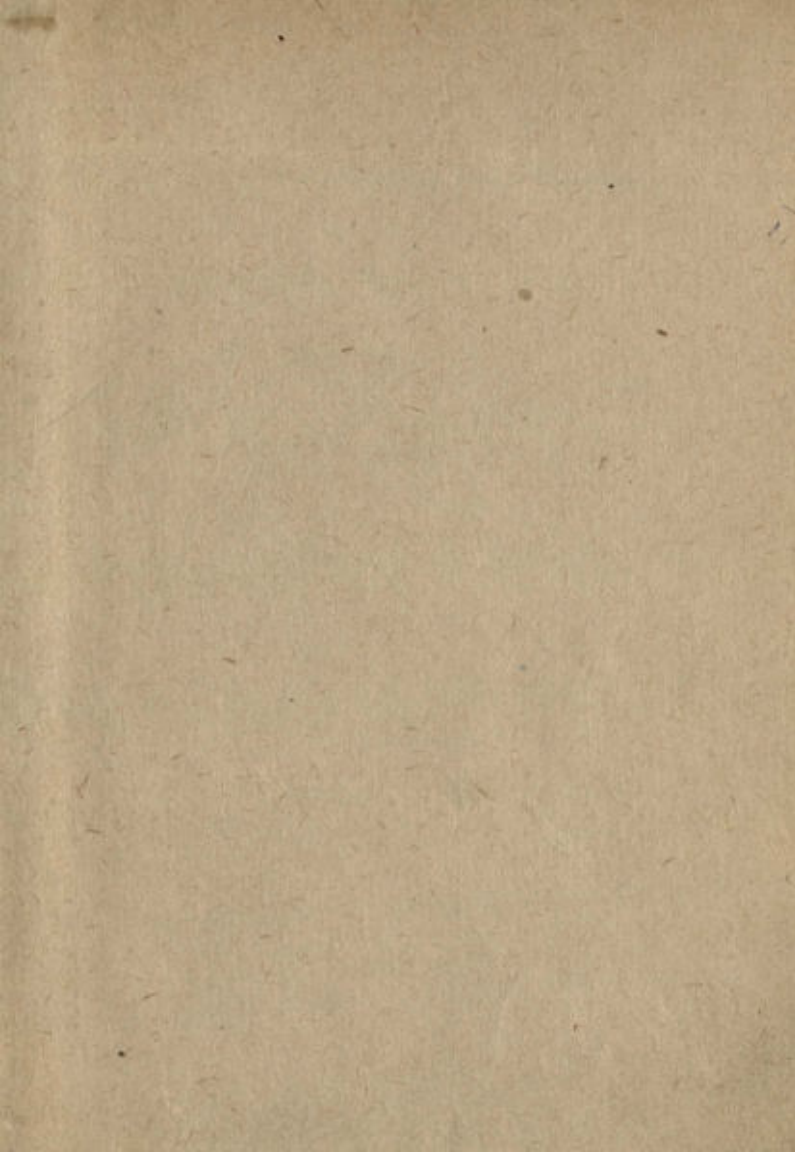
БАЛМОНТ

ЯСЕНЬ

М

189

M 194
189

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ЯСЕНЬ.
ВИДѢНІЕ ДРЕВА.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.

9210
5

REV. J. W. P. M. O. H. H.

REV. J. W. P. M. O. H. H.

REV. J. W. P. M. O. H. H.

REV. J. W. P. M. O. H. H.

На отвѣтъ

M 194
189

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

801-84
6301-2

ЯСЕНЬ.

ВИДѢНІЕ ДРЕВА.

МОСКВА.

Издательство К. Ф. Некрасова.

МСМХVI.

пр. 33-8063

2012402975

Сказки

Какъ явилъ мечеть, море Ибрахимъ,
На вѣки вѣчно живи въ вѣкахъ твои,
Какъ, какъ мечеть, по-прежнему живи.

Но счастъ мѣся для одинокаго чина,
И вѣкъ вѣчно живи въ вѣкахъ твои,
Какъ мечеть, по-прежнему живи.

Ибо я зачарую мое сердце, и помѣшу
его на вершинѣ Древа въ цвѣткѣ.

Египетская сказка о двухъ братьяхъ.

Какъ въ сказкѣ о двухъ братьяхъ,
И вѣкъ вѣчно живи въ вѣкахъ твои,
Какъ мечеть, по-прежнему живи.

И вѣкъ вѣчно живи въ вѣкахъ твои,
Какъ мечеть, по-прежнему живи.

НАВѢКЪ.

Какъ мыши точать корни Игдразила,
Но ясенъ вѣчно ясенъ въ безднѣ дней,—
Какъ дымъ течетъ изъ звонкаго кадила,

Но счета нѣтъ для ладанныхъ огней,
И чуть священникъ приподниметъ руку,
Есть ѳиміамъ, и есть мольба тѣней,—

Какъ въ мѣрѣ вслѣдъ чуть дрогнувшему звуку
Помчался вихрь, и вотъ ужъ вѣченъ громъ,
И дѣдъ передаетъ свирѣли внуку,—

Какъ въ камнѣ скаль есть звонкій водоемъ,
И будетъ пѣть, копя ключи для жажды,
Такъ буду пѣть о царствіи твоёмъ,—

Любовь, что я узналъ во снѣ однажды.

СОЛНЦЕЗЕРНЬ.

Когда я жилъ еще на Солницѣ,
Зерно средь зеренъ,
И духъ былъ въ свѣтломъ волоконцѣ,
Никто не черенъ,—
Когда одни златыя зерна
Себя качали,
И было все огнеузорно,
Нигдѣ печали,—
Когда Земля была намекомъ,
Луна видѣньемъ,
Когда въ кипѣннй златоокомъ
Все было пѣньемъ,—
Я между зеренъ былъ сильнѣе
Въ игрѣ зернистой,
И потому люблю я, рдѣя,
Мой пламень чистый.

Когда Луна была Землею,
Безъ раздѣленья,
Когда Земля была съ Сестрою
Одно видѣнье,—

Когда въ могучихъ выдыханьяхъ
Растенья-звѣри
Тянули щупальца въ дрожаньяхъ,
Страшась потери, —
Когда на вѣтровыхъ мальстрѣмахъ,
Горѣнемъ дики,
Въ пловучихъ пламенахъ-хоромахъ
Сквозили лики, —
Я межъ сновидцевъ былъ свѣтлѣе,
Какъ образъ жгучій,
Вотъ почему люблю я, млѣя,
Мой стихъ пѣвучій.

Когда Луна, простясь съ Землею,
Какъ Мѣсяцъ мѣдный,
Ушла въ просторъ своей стезею,
И стала блѣдной, —
Когда, въ Сестрѣ увидя Брата,
Она, тоскуя,
Постигла счастье возврата
И поцѣлуя, —
Когда въ любви, что такъ красива,
Узнали души,
Что нѣтъ блаженства безъ надрыва,
Волны безъ суши, —
Я межъ Земныхъ и Земно-Лунныхъ
Пронзенъ былъ свѣтомъ,

И долженъ я въ видѣньяхъ струнныхъ
Пребыть поэтомъ.
Когда зловѣщею воронкой
Спустились духи
Туда, гдѣ гаснетъ пламень тонкій,
Нѣтъ звона въ слухѣ,—
Когда, причудливы и хмуры,
Взросли гиганты,
Младенцеликіе Лемуры,
Огне-Атланты,—
Когда драконились узоры
Сребристой черни,
И были пламенными взоры
Отъ солнцезерни,—
Когда восторгъ сердцець былъ страшень,
Любилъ я въ гнѣвѣ,
Вотъ почему, лишенный башень,
Я весь въ напѣвѣ.

ЧАСЪ И ДОМЪ.

Миѣ нуженъ часъ, миѣ нуженъ домъ,
Чтобъ мыслить міръ, что живъ кругомъ.
Миѣ нужно время и пространство,
Чтобы соткать ему убранство.
Миѣ нуженъ домъ, миѣ нуженъ часъ,
Чтобы затѣять свой рассказъ.

Какъ зыбкій домъ я выбралъ Море,
Плыву въ крутящемся просторѣ.
Какъ часъ назначилъ Полночь я,
Когда ломается струя.
Велѣлъ, пьяня міры игрою,
Быть свѣтомъ тьмѣ, быть свѣту тьмою.

Построивъ стройность пирамидъ,
Я зналъ, что часъ ихъ раздробить.
Раскинувъ желтыя пустыни,
Я знаю, день забрезжитъ синій.
И быстрый всадникъ на конѣ,
Летя къ себѣ, летитъ ко миѣ.

Два войска—въ двойственномъ пожарѣ,
Но мной—въ одномъ они угарѣ.
Я рознь одна въ тѣхъ двухъ враждахъ,
Я смѣлость ихъ, и я ихъ страхъ.
И я на тихомъ полѣ брани
Луна въ колдующемъ туманѣ.

Какъ гусеница ѣстъ листокъ,
Но животворенъ мотылекъ,
Я змѣй шипящій и грызущій,
И кондоръ Солнца, змѣя быющій,
Я благовонная пыльца,
Да свѣтитъ ландышъ безъ конца.

ЗВѢЗДНАЯ ПЛЯСКА.

1.

Баю-баю-баю-баю.

Я слышу пѣсенку родную.

Все горе мысли затаю.

Всю боль сознанья зачарую.

Я въ безднѣ звѣздъ узналъ мою.

Нашель въ ней арфу золотую.

Баю-баю-баю-баю.

2.

Пламень тонкій

Я воронкой

Передамъ.

Я мелькаю,

Возникаю,

Здѣсь и тамъ.

Я пьянящій,

Веселящій

Метеоръ.

Вѣря раю,

Я играю,

Зыблю хоръ.

Много было
Огнекрыло,
Млѣла мгла.
Много было,
Что могила
Вновь взяла.

Много будетъ,
Кто забудетъ
Свой исходъ.
Мчись, мгновенье,
Черезъ пѣнье,
Въ хороводъ.

Въ вихрь счастья,
Сладострастья,
Крайній часъ,
Въ межъ-планетныхъ
Снахъ несмѣтныхъ
Мой рассказъ.

Въ мигъ сладимый
Я незримый
Проскользну.
Я качаю,
Расцвѣчаю,
Жгу весну.

Радость глазу,
Я алмазу
Пламень дамъ,
Врину въ льдины
Я рубины
Здѣсь и тамъ,

Въ сумракъ красный
Духъ согласный
Мчить зарю,
Надъ мірами
Я громами
Говорю.

Ходомъ молній,
Въ жаркомъ чолнѣ
Проплыву,
Чась веселья,
Сонъ и хмѣль я
Наяву.

Я ребенокъ,
Смѣхъ мой звонокъ,
Цвѣтъ мой аль,
Ты ли, ты ли
Этой были
Не узналъ?

3.

Солнце вспыхнуло, Подобень лучъ мечу.
На лихомъ конѣ лечу, лечу, лечу.

Степь звенящая. И нѣтъ нигдѣ станицъ.
Птиць ли хочется? Какъ много въ мірѣ птицъ.

Звѣрь ли яростный безстрашнаго зоветъ?
Мчи скорѣй къ нему. Впередъ, впередъ, впередъ.

Конь мой огненный. Нѣтъ равнаго ему.
Онъ промчалъ меня сквозь бархатную тьму.

Видить за сто версть. Ушами сторожить.
И какъ жизнь сама, бѣжить, бѣжить, бѣжить.

Конь мой знающій. Узда его звѣзда.
Не споткнется, не падеть онъ никогда.

Я куда съ конемъ? Хоть знаю, умолчу.
Степь извѣдать всю хочу, хочу, хочу.

4.

Ахъ, какъ длинны эти тѣни. Тѣ косыя. Тѣ кривыя. Безъ
конца.

Были длинны, Все длиннѣе. Все темнѣе. Не размотришь
ихъ лица.

Солнце было. Грѣло жаромъ. Краснымъ шаромъ закати-
лось тамъ вдали.

Все-ль изжито? Звонъ подковы. Стукъ копыта. Путь
далекій. Путь въ пыли.
Ахъ, какъ воесть этотъ вѣтеръ. Пыль наносить. Пылью
кружить. Пыль мететь.
Сколько ихъ, песчинокъ малыхъ. Сосчитать ли? Разгадать
ли? Жуткій счетъ.
Ѣду. Ѣду. Кто я? Что я? Гдѣ я? Сплю я? Взоръ мой
ищетъ по степямъ.
Изнутри себя я вижу. И не знаю, здѣсь ли я или вонъ
тамъ.
Странный свистъ несется сверху. Сонмы малыхъ. Еле
зримыхъ смутный бѣгъ.
Шелестъ. Шопоть. Окаймленье. Паутина. Зовъ. Покровъ.
Постель. Ночлеги.
Гдѣ я? Что я? Конь мой бѣлый. Самъ я въ снѣгѣ. Ахъ,
не все ли мнѣ равно?
Я въ безбрежномъ. Я въ бездонномъ. Въ озаренномъ.
Засыпаю. Утопаю. Тише. Дно.

5.

Многосозвенную змѣю
Созвѣздя дружныя сковали.
Изъ грани въ грань по Бытію.
Какія легкія вуали
Струятъ въ вѣкахъ свою струю.
Какъ звѣзды дышутъ безъ печали
Баю-баю-баю-баю.

МЕДЪ ВѢКОВЪ.

Сперва я увидалъ, что мѣръ есть пѣснопѣнье,
И я, дрожа, его пропѣлъ.
Потомъ я нараспѣвъ сказалъ стихотворенье,
То былъ вторичный мой предѣлъ.
Потомъ я начерталъ на камнѣ заклинанье,
Перстообразный взнесъ алтарь.
И круглую Луну впустилъ въ ограду зданья,
Я былъ пѣвецъ, колдунъ, и царь.
Теперь, когда прошли ряды тысячелѣтій,
И завершился кругъ племень,
Я помню эти дни, когда всѣ были дѣти,
Какъ ясно помнишь яркій сонъ.
Отъ вкрадчивой Луны ушелъ къ инымъ я чарамъ,
Лѣсной я измѣнилъ Лунѣ.
И былъ какъ во хмѣлю, пьянясь цвѣтнымъ пожаромъ,
И было Солнце богомъ мнѣ.
И тамъ, гдѣ взметы горъ, гдѣ кондоръ верхолетный,
И тамъ, гдѣ желтый сонъ пустынь,
Сынъ Солнца, медъ вѣковъ я накопилъ несчетный,
Боговъ вѣчая и богинь.

Еще смѣнился рядъ побѣдныхъ ликованій,
И, отойдя отъ Пирамидъ,
Давно плыветъ мой умъ въ колдующемъ туманѣ,
Вновь факель ночи мнѣ горитъ.
Но не Луна, свѣча и блѣдная лампада,
Надъ ветхимъ саваномъ страницъ,
Меня ведутъ туда, откуда силой взгляда
Я вызываю сонмы лицъ.
Алхимикъ пыльныхъ рудъ, восторгъ пресущевленья
Изъ древнихъ выманилъ я строкъ,
Я молніи велѣлъ придти изъ усыпленья,
И въ тяжкій плугъ ее запрегъ.
Летаю коршуномъ, взлетаю альбатросомъ,
Предвижу ходъ и нравъ кометъ,
И къ луннымъ, наконецъ, хочу взлетѣть откосамъ,
Всѣ руны разобравъ примѣтъ.

ЗАКОНЪ СВѢТИЛЬ.

Законъ свѣтиль есть пляска постоянства,
Но есть звѣзда, которая летать
Не въ правилѣ размѣченныхъ орбитъ,
Внѣ чисель, съ пражей строгаго убранства.

Отъ Солнца къ Солнцу путь черезъ пространство,
Взнесеніе размѣрныхъ пирамидъ
Сложеніемъ спокойно взятыхъ плитъ,
Но есть угадка вкось, чей смыслъ шаманство.

Смотри въ лѣсу, какъ спутаны слѣды
Съ людскимъ умомъ враждующаго волка,
Какъ конская завита Лѣшимъ чолка.

Колдуй въ ночахъ надъ люлькою воды,
Да на коврахъ волшебная иголка
Зазыбитъ лунный храмъ, сплотившій льды.

ОТЪ СОЛНЦА КЪ СОЛНЦУ.

Отъ Солнца къ Солнцу—пламень умягченный,
Ночная лютня сновъ звѣзды къ звѣздѣ,—
Я чую соотвѣтствія вездѣ,
Я, цвѣтъ Земли, въ расцвѣтъ Небесъ влюбленный.

Я вѣчно упадаю въ Духъ бездонный,
Всѣмъ гнетомъ тѣла, въ невѣсомость, гдѣ
Тѣнь череды уступитъ чередѣ,
И будетъ тишь—какъ колокольъ всезвонный.

Я долженъ долгій путь пройти сполна.
Не для меня ли Демоны качали
Живую люльку вымысловъ и сна?

За пеленой сомлѣеть пелена.
Какъ хорошо мнѣ въ лунной здѣсь печали,
Душа-невѣста сѣгомъ убрана.

ИМЕНА.

Есть волшебство вещей и ихъ именъ,
Есть буквенное, нѣтъ, лишь звуковое
Гаданіе въ преджизненномъ покоѣ,
Что, угадавшись, выявило сонъ.

Есть въ бѣдныхъ селахъ колокольный звонъ,
Есть яростность въ ликующемъ гобоѣ,
Ихъ слушаешь, и хочешь слушать вдвое,
Загѣмь, что въ нихъ угаданъ небосклонъ.

Отъ пламеней вселенскаго пожара
До первыхъ капель кроткаго огня,
Что влагой сталь, дождемъ упаль, звеня,—

Въ сознаньи звуковая зрѣла чара,
Колодецъ угаданія, безъ дна.
Такъ всколосились въ мірѣ имена.

ТАЙНА.

Среди древнѣйшихъ землеописаній
Забытъ одинъ могучій Океанъ,
Межъ тѣмъ какъ самый яркій въ немъ обманъ,
И самый нѣжный свѣтъ, какъ въ зыбкой ткани.

Безумна водокруть его рыданій,
Звенящей мглы пьянительный калянъ
Въ вѣкахъ тоски Землѣ отъ Неба данъ,
И звѣздный смыслъ сквозить въ священной дани.

Единое изъ всѣхъ земныхъ морей,
Гдѣ можно пить. И пьемъ мы ненасытно.
Вселенная глядитъ въ него. И слитно

Съ бездонностью, нашъ разумъ, какъ ручей,
Ліясь изъ тайнъ, втекаетъ въ Тайну, льется.
Тотъ Океанъ здѣсь Музыкой зовется.

КАНУНЪ.

Что лучше въ мечтѣ многозвонной,
Чѣмъ полный надежды канунъ?
Смычокъ, чуть коснувшійся струнъ.
Любовь въ предулыбкѣ влюбленной.
Нашъ духъ въ несвершенностяхъ юнъ.

Что лучше, чѣмъ цвѣтикъ оврага,
Цвѣтущій на млѣни снѣговъ?
Рожденье, въ камняхъ, родниковъ.
Плѣнительна праяная брага,
Во здоровіе юныхъ боговъ.

Что лучше родныхъ навечерій,
Съ мерцаніемъ ласковыхъ свѣчъ?
Возславимъ завѣты предтечъ.
Раскроемъ для счастья всѣ двери.
Кто ждетъ,—и дождется онъ встрѣчъ.

НАРУЧНИ.

Качаюсь. Качаясь, качаю.
Тихонько и вѣрно точу.
Скольжу по оконному краю.

Въ душѣ возжигаю свѣчу.
Прочтя заклинанье въ алмазѣ,
По острому остримъ черчу.

Вселенная—въ видящемъ глазѣ.
Вселенная будетъ моя.
Сотрутся желѣзные вязи.

Вѣтровъ заиграетъ струя.
Сорвется оконная рама.
Въ утонченныхъ наручняхъ я.

Въ тюрьмѣ. И въ преддверіи храма.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО.

Я дошелъ до звенящаго дерева,
Тамъ вѣтви слагались въ храмъ.
Благовонное алое марево,
Огонь и жертва богамъ.
Я стоялъ у поющаго дерева,
Быль братъ я шмелямъ и жукамъ.
И съ пчелой устремлялся я въ зарево,
Быль пономарь мотылькамъ.
Я стихами,
И мечтою,
Молодою,
Имъ звонилъ.
Подъ вѣтвями,
Межь цвѣтами,
Быль въ томъ храмѣ
Звонъ кадилъ.
Я съ Весною,
Какъ струною,
Къ свѣту, къ зною
Говорилъ.
Были взоры,
Разговоры,
Были хоры

Нѣжныхъ силъ.
Я съ осою
Полосою
Нижнихъ воздухѣвъ летѣлъ.
Я смѣялся,
Расцвѣчался,
Забавлялся,
Какъ хотѣлъ.

Вотъ съ пчелою отягченной
Въ улей сонный я лечу,
Въ улей звонный, отдаленный,
Держимъ путь мы по лучу.
Вотъ и бронзовка, съ крылами
Какъ златистый изумрудъ,
Зеленѣя надъ цвѣтами,
Потонула въ гулкомъ храмѣ,
Радость въ пѣснѣ, Солнце съ нами,
Здравствуй, бронзовка, я тутъ.

И въ этихъ чашахъ,
И въ этихъ куцахъ,
Вѣтвей поющихъ,
И пчелъ звенящихъ,
Въ благоуханьи,
И въ озареньи,
Въ оцѣпенѣньи,
И расцвѣтаньи,

Упившись медомъ,
Первичнымъ млекою,
Я съ вешнимъ годомъ,
Нечеловѣкомъ,—
Нечеловѣкомъ,
По тайнымъ всходамъ,
Лечу и рѣю,
И разумѣю.
Мечтой моею
Всхожу къ порогамъ
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Гдѣ заодно я
Съ Всесильнымъ Богомъ,
Мы Вѣчность мѣримъ
Весенней птицей,
Веселымъ звѣремъ,
Ихъ вереницей,
Лучомъ, зарницей,—
Средь сновъ текущихъ,
Съ пчелой летящей
Сквозистой чащей
Вѣтвей цвѣтущихъ,
Я въ райскихъ куцахъ,
Въ Веснѣ манящей
Я стихъ звенящій.

ЗВѢРЬ-ЦВѢТОКЪ.

Ведя какъ бы расплавленнымъ металломъ,
Хочу въ стихѣ я вывести узоръ.
Есть звѣрь-цвѣтокъ, зовущійся коралломъ.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ, поетъ безгласный хоръ.
Они растутъ согласными чертами,
Слагая титанической соборъ.

На кратерѣ потопшемъ, чередами,
Въ столѣтіяхъ свою свивая цѣпь,
Восходятъ звѣри мѣрными рядами.

Ихъ мысль, и хотѣ, и сонъ, и явь, и дѣль
Сцѣпляются. Ихъ бѣлые скелеты
Лазурь волны преображаютъ въ степь.

Въ лагунахъ изумрудомъ млѣютъ свѣты.
Еще усиле тысячи цвѣтковъ,
И островъ всталъ, коралломъ Солнцу спѣтый.

Твердыня встала круглыхъ островковъ,
Въ ихъ кругѣ тишь зеркальная лагуны,
Псаломъ, звѣрями вылѣпленныхъ, словъ.

А Океанъ кругомъ рождаетъ струны,
Бросая волны сонмами лавинъ.
Изваянъ перстень, вложены въ немъ руны.

Въ моряхъ міровъ ходъ творчества единъ.

Я ИГРАЮ БЕРЕГАМИ.

Я играю берегами,
Рыбакомъ идя по нимъ,
Обсуждаю съ облаками,
Пламень глянетъ ли сквозь дымъ.

И когда, какъ ночи, тучи
Вдоль драконятъ свой объемъ,
Голосъ облака могучій
Я включаю въ слово—Громъ

Увидавъ, какъ въ бѣгъ пьяномъ
Пляшутъ синіе валы,
Глубь я назвалъ—Океаномъ,
И морямъ пою хвалы.

Мѣсяць съ Солнцемъ—я вѣнчаю,
Мѣсяць долженъ быть женатъ,
Безъ жены я самъ скучаю,
И всегда обняться радъ.

Слыша шелестъ межъ листьями,
Видя въ вѣтрѣ шаткій листь,

Шелестящими устами
Я сложилъ свой первый свистъ.

А за первымъ миллионный
Страхъ возникъ, любовь, восторгъ,
Я во впадинѣ уклонной,
Въ горлѣ, воздухъ словъ исторгъ.

Вѣтры, птицы, травы, звѣри
Были-бъ только тѣнью сна,
Если-бъ имъ, въ различной мѣрѣ,
Не пропѣлъ я имена.

Въ пляскѣ мысли вѣря играмъ,
Всѣмъ звѣрямъ веду я счетъ,
Тигръ скажу, и вотъ я съ тигромъ,
Молвлю слонъ, и слонъ идетъ.

Въ мигахъ звукомъ мѣръ угаданъ,
Нить дана золотая мѣ,
Вьется, курится, какъ ладанъ,
А клубокъ—въ другой странѣ.

ЛАРЕЦЪ.

Сквозь черную сѣтку стволонъ и вѣтвей,
И рѣдкое кружево листьевъ зеленыхъ,
Я вижу, какъ сѣрый поеть соловей,
И вижу я пѣсню въ чуть зримыхъ уклонахъ.

Всѣмъ тѣломъ въ напѣвъ—какъ изваянь, какъ влить,
Приподнялъ головку флейтистъ затаенный,
То шире, то уже онъ горломъ свистить,
Ручьятся журчанья свирѣли влюбленной.

Онъ странно мнѣ близокъ, угадчикъ-пѣвецъ,
Я помню столѣтій минувшихъ апрѣли,
Близъ птицы въ себѣ ощутилъ я ларецъ,
Въ волшебномъ сокровища звуковъ звенѣли.

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вмѣстѣ съ Л во влюблены,
Сливались,—тебѣ закричалъ я „Ау!“
И мы цѣловались, узнавъ себя въ пѣньи.

НЪМОЙ УРАГАНЪ.

Въ рукахъ Математика—вихри, онъ можетъ разлить ихъ
вѣ циклонъ,
И вдругъ, еле видимымъ знакомъ, смиряетъ разнуздан-
ность онъ,
Пожаръ числовой размѣщаетъ, качаетъ нѣмой ураганъ,
И звѣзды въ бездонности слышать, что путь имъ въ
размѣрности—данъ.

ВѢТВИ.

Дендриты, вѣтви, древовиды,
Идутъ, за ликомъ ликъ лова,
Отъ подземельнаго червя
До чарованія Изиды.

Вѣтвятся руки и ростокъ,
Крестообразно мірозданье,
Пылинки, чарой сочетанья,
Мы сложимъ въ каменный потокъ.

Нагромоздимъ любовь, обиды,
Слова, поэмы, царства, сны,
Тысячелѣтья тишины,
Въ тѣни Закатной Пирамиды.

ВОДОВОРОТЪ.

Люблю чуть зримыхъ малыхъ тварей
Линейно-прихотливый видъ.
Геометризмъ радіолярій
О вихрѣ солнць миѣ говорить.

Рѣснички хищныхъ инфузорій,
Проворныхъ жгутиковъ игра,
Миѣ говорятъ о звѣздномъ хорѣ,
И что любить всегда пора.

А жукъ-олень, то въ праздникъ юный,
Средь полчищъ малыхъ, мастодонтъ.
И вотъ, я чувствую, какъ струны
Черезъ весь проходятъ горизонтъ.

И запоздавшему столѣтью,
Его предчувствуя въ тоскѣ,
Черчу разсказъ я, тонкой сѣтью,
На мастодонтовомъ клыкѣ.

КОЛДУЮЩИЙ.

Зеленый свѣтъ неявственно мелькалъ,
Когда въ лѣсу стоялъ я въ грезѣ сонной —
На вѣткѣ, съ вѣткой въ млѣни созвонный,
Тотъ изумрудъ вдругъ становился аль.

Чуть зримый пламень вкось перебѣгалъ,—
Какъ бы драконъ, стократно уменьшенный,
Лиловѣлъ,—извивался позлащенный,—
Былъ сѣрымъ, какъ крысиный отсвѣтъ скалъ.

Я посмотрѣлъ своимъ дремотнымъ взоромъ
Внимательный,—былъ вновь зеленымъ онъ,
Колдующій, какъ звѣрь живущій, сонъ.

Горѣлъ опять оранжевымъ уборомъ.
Такъ въ первый разъ,—напѣвъ согласный съ хоромъ,—
На древѣ мгѣ предсталъ хамелеонъ.

КРАСОТА.

Красота—это радостный возгласъ Природы,
Красота—это тихій восторгъ Вещества.
Въ изобильи разлитыя вешнія воды,
Переходы скалы, что несчетные годы
Говорятъ безглагольные руны-слова.
И въ пещеру взойдешъ лишь на краткость мгновенья,
Но такъ явственно знаешь—пещера жива,
Вотъ къ звену зазмѣилися новыя звенья,
Помолчишь, поглядишь, надвигается лѣнье,
Загораются мысли, колеблясь едва.
Отъ пещеры къ душѣ проскользнетъ откровенье,
И молчаніе скалъ отчеканишь въ слова.

ЛИНІЯ ПРИРОДЫ.

Какъ льется линія Природы,
Прямою или кривизной?
Взгляни на горъ гранитныхъ своды,
Склонись надъ зыбкою волной,—
Поймешь, что линія Природы
Должна капризь извѣдать свой.

А если есть еще сомнѣнье,
Что нужно волю дать мечтѣ,
Слѣди, какъ птичекъ льется пѣнье,
Какъ ходятъ громы въ высотѣ,—
Молніеносно убѣжденье,
Змѣиный ходъ ведетъ къ метѣ.

МОЛЧАНІЕ.

Молчанье выдѣляется—изъ сосенъ nocturnыхъ,
И въ грезѣ отражается—какъ спѣтый стихъ.
То чье стихотвореніе—въ дремотѣ nocturnой?
Не вѣдаю—но пѣніе межъ вѣтками и мной.

Подъ Солнцемъ ослѣпительнымъ—въ жужжаньи пчель
И въ пѣньи птицъ плѣнительномъ—я звуки къ числамъ
свель.

Но было то играніе—не такъ, какъ сейчасъ,
Сейчасъ поетъ молчаніе и мой глядящій глазъ.

Безгласно тѣни тянутся—отъ сучьевъ сосны,
Но взоры не обманутся—въ нихъ звонъ струны.
И глазъ ласкаетъ взорами—всю музыку вѣтвей,
А сверху вторятъ хорами—планеты мглы моей.

ВѢРНЫМЪ ПУТЕМЪ.

Путемъ соотвѣтствій,
 До плѣнительныхъ слѣдствій,
 Изъ дробящихся чисель могучій изводъ,—
 Я рѣю рядами,
 Прохожу чередами,
 Довожу до свиданья вселенскихъ свободъ.

ЧЕТЫРЕЛИКИЙ.

Духъ и воля это вѣтеръ, что свиститъ въ крылахъ орла.
Духъ съ высотъ причинно вѣть. Вѣчность есть и жизнь
была.

Страсть и сила это лики льва и жаркаго быка.
Ярки розы красной крови. Сила голоса громка.

Духъ крылатый, львиногѣлый, быкогрудый Сфинксъ твер-
дить:—
„Знаешь тайну? Помнишь Вѣчность? Знаешь тайну Пи-
рамидъ?“

И не знаю, что, я знаю, иль не знаю тайну я.
Но во мнѣ есть духъ орлиный, и тверда душа моя.

И не знаю, что, я помню, иль не помню смыслы плить.
Но какъ Аписъ, гордый Аписъ, весь мой духъ огнемъ
горить.

И не знаю, что, спугну я чару тьмы, иль не спугну.
Но для всѣхъ вѣщаний Мира я нашель въ душѣ струну.

Возлѣ Сфинкса тихо мысля, невдали отъ Пирамидъ,
Я смотрю, какъ въ часъ заката Небо заревомъ горить.

И пока пески Пустыни рдѣютъ, словно тѣни розъ,
Я, смотря со Сфинсомъ въ дальность, не боюсь ничьихъ
угрозъ.

ВЕРИТЕЛИ

Душа и тело это — не одно и то же,
Душа — это то, что в нас живет,
Душа — это то, что в нас живет,
Душа — это то, что в нас живет.

Слова — это то, что в нас живет,
Слова — это то, что в нас живет,
Слова — это то, что в нас живет,
Слова — это то, что в нас живет.

Душа — это то, что в нас живет,
Душа — это то, что в нас живет,
Душа — это то, что в нас живет,
Душа — это то, что в нас живет.

И не знаю, что, спугну я чару тьмы, иль не спугну.
Но для всѣхъ вѣщаний Мира я нашель въ душѣ струну.

Возлѣ Сфинкса тихо мысля, невдали отъ Пирамидъ,
Я смотрю, какъ въ часъ заката Небо заревомъ горить.

ЗВѢРИНОЕ ЧИСЛО.

Да не смутить несвѣдущихъ сегодня,
То, что имъ было вѣдомо вчера.
Не праздная въ моихъ словахъ игра,
И каждый звѣрь есть стихъ и мысль Господня.

Я тѣхъ люблю среди звѣрей земли,
Тѣ существа старинныя, которымъ
Довѣрено священнымъ договоромъ,
Чтобы они какъ вѣстники пришли.

Межъ птицъ мнѣ дорогъ Одиновскій воронъ,
Его воспѣлъ сильнѣйшій въ знаньи чаръ,
Среди земныхъ болидъ небесъ, Эдгаръ,
Въ вѣкахъ тоски рунической узоръ онъ.

Мнѣ дорогъ Нильскій демонъ, крокодилъ,
Которому молилась Египтянка,
Желанна мнѣ Яванская свѣтлянка,
Мнѣ дорогъ путь отъ мошки до свѣтиль.

Нашъ соловей, какъ рыцарь, слить съ Луною,
Съ Венеры прилетѣла къ намъ пчела,
Змѣя изъ Преисподней приползла,
Быль посланъ съ вѣтвью мира голубь къ Ною.

И кить быль нуженъ въ повѣсти земной,
Ликъ Вѣчности являетъ черепаха.
Моя душа — внимательная пряжа,
Кто въ пряду словъ проникъ, тотъ мудръ со мной.

ОТЪ ПРЕДѢЛЬНОСТИ.

Заколдованная воля въ вещество вошла.
Тяжела людская доля—быть въ цѣпяхъ Добра и Зла.
Зачарованная сила завлеклась собой
Все, что будетъ, все, что было, сказка Глуби Голубой.
Мы опять измѣнимъ лики, спрятавъ сѣдину.
Наши замыслы велики, мы должны встрѣчать Весну.
Разрушая изваянья, мы ваедемъ вновь.
Ты, въ которой все—сіянье, брачный день свой приготовь.
Мы опять увидимъ степи тамъ, гдѣ города.
Разрушая наши цѣпи, мы поемъ: „Живи, Звѣзда.“
Мы въ степяхъ, гдѣ день погашень, возведемъ шалашъ.
Мы опять съ безмѣрныхъ башенъ возгласимъ, что праздни-
никъ—нашъ.

Тяжела людская доля—камни громоздить.
Нить, легка. Свѣтла неволя, если разумъ крутитъ нить.
Чрезъ столѣтья пробуждая самъ себя въ вѣкахъ,
Вижу я рожденье Мая въ первозданныхъ лепесткахъ.
Здѣсь я помню, хоть неясно, что дышаль я—Тамъ.
О, тебя, что такъ прекрасна, никому я не отдамъ.
Здѣсь стою я на порогѣ, вѣря въ звѣздный счетъ.
Говорять, что сказка Боги. Вонъ, я вижу ихъ полеть.

СКАЗКА МѢСЯЦА И СОЛНЦА.

Юноша Мѣсяцъ и Дѣвушка Солнце знаютъ всю длительность міра,
Помнятъ, что было безвѣтріе въ щели, въ царство глухого Имира.
Въ ночи божизненно-злого Имира былъ Дымосводь, мглистый домъ,
Былъ Искросвѣтъ, противъ Сѣвера къ Югу, весь распаленный огнемъ.
Щель была острая возлѣ простора холода, льдовъ, и мятели,
Противъ которыхъ, въ багряныхъ узорахъ, капли пожара кипѣли.
Выдыхи снѣга, несомые вьюгой, мчались до щели пустой,
Рдяные вскипы, лизнувши тѣ хлопья, пали, въ капли, водой.
Такъ изъ касанія пламени съ влагой вышли всѣ разности міра,
Юноша Мѣсяцъ и Дѣвушка Солнце помнятъ рожденье Имира.

Капля за каплей сложили огромность больше всѣхъ горъ
и долинъ,
Легъ надъ провальною щелью тяжелый льдовъ и снѣ-
говъ исполинъ,
Не было Моря, ни травъ, ни песчинокъ, все было мерт-
вой пустыней,
Лишь бѣлоснѣжная диво-корова фыркала, нюхая иней.
Стала лизать она иней соленый, всюду былъ снѣгъ ши-
роко,
Вымя надулось, рѣкой четверною въ мѣръ потекло молоко.
Пиль, упивался Имиръ неподвижный, росъ отъ обиль-
наго пира,
Послѣ, изъ всѣхъ его членовъ разъятыхъ, выросли об-
ласти мѣра.
Диво-корова лизала снѣжинки, соль ледовитую горъ,
Въ снѣгъ означились первые люди, Бурэ и сынъ его
Б-ръ.
Дѣти красиваго Бора убили злого снѣговъ исполина,
Кости Имира остались какъ горы, плоть его стала рав-
нина.
Мозгъ его тучи, и кровь его Море, черепъ его небо-
сводъ,
Брови угрознаго стали Мидгардомъ, это Срединный
Оплоть.

Прежде все было безтравно, безводно, не было звѣря,
ни птицы,

Раньше безъ тропокъ толкались, бродили спутанно звѣздъ
вереницы.

Дѣти же Бора, что стали богами, Одинъ, и Виле, и Ве,
Звѣздамъ велѣли, сплетаясь въ узоры, лить серебро по
травѣ.

Радуга стала Дрожащей Дорогой для проходящихъ по
выси,

Въ чашахъ явились медвѣди и волки и остроглазья рыси.
Ясень съ осиною, дрожа, обнимались, листь лепеталь до
листа,

Одинъ велѣль имъ быть мужемъ съ женою, первая
встала чета.

Корни свои чрезъ міры простирая, высится стволъ Игд-
разила,

Люди какъ листья, увянутъ, и снова сочная тѣшится сила.
Быстрая бѣлка мелькаетъ по вѣткамъ, сновъ паутинится
нить,

Юноша Мѣсяцъ и Дѣвушка Солнце знаютъ, какъ любо
любить.

СНѢГОВЫЯ РУНЫ.

Эти грузныя стропила Скандинавскаго мышленья,
Замороженныя глыбы дико вытянутыхъ льдинъ,
Воздвигаютъ храмъ нестройный, гдѣ лишь бури слышно
пѣнье,
Гдѣ лишь вѣтеръ, снѣжный вѣтеръ, вѣтеръ царствуетъ
одинъ.

Такъ ли? Такъ ли? Тотъ, кто видѣлъ, какъ крутится надъ
снѣгами
Изворотливая вьюга на предвѣчномъ берегу,
Онъ усмотритъ окомъ сердца, что полярными вѣтрами
Руны полныя догадки начертились на снѣгу.

ЛНУЧ ВМВОНМО

СНЪЖНЫЕ БОГИ.

Я вижу ихъ въ сумеркахъ утреннихъ,
Суровыхъ боговъ Скандинавіи,
Въ дыханіи воздуха зимняго
Всѣ ѣдутъ они на коняхъ.
Вонъ конь Двоебыстрый, весь въ яблокахъ,
Вонъ конь Златоверхій, весь въ золотѣ,
Конь Грузный, копыто туманное,
Конь Вихрь, легконогія размахъ.
Двѣнадцать коней огнедышащихъ,
У всѣхъ имена означительны,
Конь Блескъ между яркихъ блистателенъ,
Острыйный межъ скорыми скоръ.
У каждаго бога есть пламенникъ,
Скаунъ, не знакомый съ усталостью,
Лишь Бальдера конь весь былъ пламенемъ,
Лишь пѣшимъ громовникъ былъ Торъ.

Куда они ѣдутъ могучіе?
Куда устремляются строгіе?
Что манить къ себѣ ослѣпительныхъ,
Огнемъ удвоя ихъ блескъ?
Кто скажетъ? Но льдины ломаются,
Утесы гремятъ перекличками,
Пещеры откликнулись звонами,
Въ деревьяхъ послышался трескъ.

Три корня у Древа всемірнаго,
Одинъ до Боговъ устремляется,
Другой къ Исполинамъ драконится,
А третій идетъ въ Дымосводъ.
Подъ третьимъ змѣиная ямина,
Оттуда родникъ пробивается,
Тамъ влажная мудрость качается,
Кипить и горить и течь.

Кто этой воды прикасается,
Тотъ молодъ и мигъ и столѣтіе,
Онъ бросится свѣжимъ въ сраженіе,
Онъ любить все въ первой любви.
Самъ Одинъ такъ жаждалъ той мудрости,
Что отдалъ свой глазъ за глотокъ ея,
Двѣнадцать боговъ устремительныхъ
Желають омыться въ крови.

САГИ.

Скандинавскія саги, желѣзныя саги,
Вы обрызганы пѣной шумящихъ морей,
И мерцаютъ въ васъ слезы, и капли той влаги,
Что горѣньями красными мучить людей,
Пробѣгая въ ихъ жилахъ скорѣй, все скорѣй,
Навѣвая имъ жажду открытій сокровищъ,
Прогоняя ихъ вдаль отъ родимыхъ домовъ,
Научая сердца не бояться чудовищъ,
Подучая ихъ жечь всякій домъ, каждый кровь,
Говоря имъ, что нѣтъ имъ иного закона,
Чѣмъ движенье волны, устремленье вѣтровъ,
И качанье ладьи, рокового дракона,—
Черный дубъ, что позналъ остріе топоровъ,—
Сага Эйрика, сага Сигурда, Ніяля,
Бормотаніе Норнъ, черезъ клетоты въ рѣчь,
Кругозвучность морей, что ликуеть, печалю,
Предрѣшенный пожаръ, и рѣшающій мечъ.

САГА.

1.

Черту змѣиной елиня чертой,
Течеть ручей, чья чудотворна влага.
Въ немъ боги пьютъ. Въ немъ мудрость и отвага.
Огонь, вѣнчанный съ свѣжею водой.

Напитокъ вдохновенный и святой,
Изъ нѣдръ земли исторгнутая брага.
На берегу сидитъ и грезитъ Сага,
Пьеть съ Однимъ изъ чаши золотой.

Ручей втекаетъ въ пѣнистое Море,
Туда плыветъ, весь вырѣзной, драконъ,
Корабль-костерь, въ лазоревомъ просторѣ.

Тамъ мертвый Бальдеръ. Умеръ, умеръ онъ.
И волны вторять въ долгомъ разговорѣ:—
Богъ Солнца, Бальдеръ, будетъ возроденъ.

Она сидитъ, задумавшись глубоко,
 Сестра богинь, чей даръ священный—рѣчь.
 Съ ней рядомъ Одинъ. Опершись на мечъ,
 Вперяетъ въ даль единственное око.

Дремотна Сага. Всѣ рѣшенья Рока
 Ей вѣдомы. Исходъ и ходъ всѣхъ сѣчь.
 Весь обиходъ людей, разлукъ и встрѣчь,
 Все бережетъ она въ размѣрахъ срока.

Изъ пряжи сновъ нѣмую нить продливъ,
 Завяжетъ въ страшномъ узелокъ изъ дремы.
 Сплететъ изъ словъ высокія хоромы.

Взираетъ Одинъ строгъ и молчаливъ.
 И вдругъ съ плаща въ рассказъ уронитъ громы,
 Чтобъ былъ конецъ и грозень и красивъ.

ЛѢТОПИСЬ ЛИСТЬЕВЪ.

Когда на медленныхъ качеляхъ
Мѣняли звѣзды свой узоръ,
И тихимъ шопотомъ, въ мятеляхъ,
Вели снѣжинки разговоръ,—
Когда отъ сѣверныхъ сіяній
Гиганты Ночи не могли
Заснуть, и ежились въ туманѣ,
Во льдистой колющей пыли,—
Когда хрустѣніемъ сердитымъ
Перекликались по вѣкамъ,
Надъ Океаномъ ледовитымъ
Материки къ материкамъ,—
Когда въ чертахъ тупыхъ и острыхъ
Установились берега,
Возникъ священный полуостровъ,
Гдѣ вѣщи до сихъ поръ снѣга,
До нынѣ зимы тамъ упорны,
Но нѣжны помыслы весны,
И до сихъ поръ колдуютъ Норны,
Въ часъ ворожащей тишины.

Когда, еще безъ счета, ночи
 Не отмѣчались тамъ никѣмъ,
И не былъ слышенъ смѣхъ сорочій,
 И лѣсъ безъ пѣвчихъ птицъ былъ нѣмъ,—
Когда въ молчаніи Природы
 Та пытка чувствовалась тамъ,
Что въ тѣсный мигъ вѣщаетъ роды,
 Ведеть по узкимъ воротамъ,—
Осина, въ блѣдности невольной,
 Вдругъ вспѣла шаткою листвою,
И перепѣвомъ, крѣпкоствольный,
 Отбросилъ ясенъ шопоть свой.
О чемъ два дерева шептали,
 Какая тайна въ нихъ была,
Лишь знаетъ Солнце въ синей дали,
 Лишь помнить Мѣсячная мгла.
Но ясенъ мужемъ сталъ могучимъ,
 Осина нѣжною женою.
А въ тотъ же часъ, по чернымъ тучамъ,
 Гроза летѣла вышиною.
И разорвашіеся громы,
 И переклички всѣхъ вѣтровъ,
Молніеносные изломы,
 Ниспали въ емкость голосовъ.
Они возникли отовсюду,
 Изъ яминъ, впадинъ, и пещерь,

Давая ходъ и волю гуду,
Мѣняя звуковой размѣръ.
Все было вскрытѣ льда, дрожанье,
Вся разорвалась тишина,
Отъ комариного жужжанья
До рева яраго слона.
А ясный мужъ смотрѣлъ, любуясь,
На синеглазую жену,
Еще не зная, не цѣлуясь,
Но, весь весна, любя весну.
И былъ въ ихъ душахъ перешопоть,
И ошупь млѣющихъ огней,
Какъ будто самый дальній топоть
Въ вѣка умчавшихся коней.

ПРОЗРѢНЬЕ.

Бездонно Небо, но бездонна
Вдвойнѣ—бездонная душа.
Всего достигну непреклонно,
Познавъ, что Вѣчность хороша.

Свивая въ вихрь свои мгновенья,
Дамъ ходъ живому кораблю.
Весь міръ вберу въ мое прозрѣнье,
Затѣмъ что весь я міръ люблю.

УТРО ЗЕМЛИ.

Мнѣ нравится Утро Земли во всей красотѣ безобразій.
Въ немъ глыба до глыбы ползеть, Завопилъ, по-
любивъ, мастодонтъ.
Сто версть для мазурки громовъ. Чимборасо для ска-
зокъ въ алмазѣ.
И ящеры въ семь этажей. И вездѣ безъ людей
горизонтъ.

ВЪ БЫЛОЕ ВРЕМЯ.

Въ былое время я жилъ богато,
Ходило Солнце вокругъ меня,
И отъ восхода вплоть до заката
Лишь мнѣ струило токъ огня.
Планеты въ небѣ свивали тропы
Не въ празднолюбіи пустомъ,
А чтобы могъ я знать гороскопы,
И въ мірѣ вѣрнымъ шелъ путемъ.
Въ былое время и со звѣрями
Имѣлъ я краткій разговоръ,
Скажу „Придите“,—и шли стадами,
Какой тутъ могъ быть съ ними споръ.
Они же сами вѣдь разумѣли,
Что имена пропѣлъ имъ я,
Что левъ быть долженъ лишь въ львиномъ тѣлѣ,
А разъ змѣя, такъ ты змѣя.

И если въ лапѣ прорѣзь занозы
Иной злосчастный чуялъ левъ,
Ко мнѣ смиренный, и чуждъ угрозы,
Онъ шель, какъ овцы ходять въ хлѣвъ.
Игралъ я въ войны,—и шли кометы,
Я былъ подвижникъ, брошень лукъ,—
И былъ какъ столпъ я, весь въ мохъ одѣтый,
Гибзился дроздъ въ ладоняхъ рукъ.
Въ былое время я весь былъ въ Богъ,
Былъ длань, и мечъ, и тишь, и страсть,
А нынѣ вѣчно лишь на порогѣ,
Чего-то въ чемъ-то только часть.

ТОТЬ ПРЕДОКЪ.

Тоть предокъ былъ такой же, какъ гиббонъ,
Но не гиббонъ, а братъ гиббона сводный,
Средь обезьянъ властитель благородный,
Взлюбившій въ вѣткахъ тихій листозвонъ.

Къ вѣтрамъ любилъ прислушиваться онъ,
Къ журчанью птицъ, къ игрѣ волны свободной,
Во всемъ искалъ онъ цѣпи звуковъ, сходной
Съ тѣмъ, что ему привидѣлось какъ сонъ.

Онъ первый поднѣлъ голову высоко,
И безпричинно такъ ее держалъ,
Вверху былъ кругъ, великъ, лучистъ, и аль.

Какъ исполина огненное око.

Онъ вдругъ запѣлъ, себя пугаясь самъ.
Такъ звукъ Земли раскрылся Небесамъ.

РУКА

Благословляю обезьянюю руку,
Хоть страшны миѣ движенія ея,
Затѣмъ что, вдохновеніе свое
Забывъ, она утратила науку.

Среди древнѣйшихъ полуобезьянъ
Былъ нѣкто ставшій получеловѣкомъ.
Звѣрми онъ сопричисленъ былъ къ калѣкамъ,
Не могъ онъ ползати и прямилъ свой станъ.

Отъ предка ли я отрекаться буду,
Пусть былъ четырехрукъ онъ и мохнатъ?
Рука есть воплощенный въ оцупь взглядъ,
Рука есть мость къ свершенію и чуду. /

Къ отѣнкамъ чувства приурочивъ звукъ,
Онъ ключъ нашель для полнозвучной гаммы.
Его должны включить въ великій храмъ мы,
Да молится дѣянью предка внукъ.

Благословимъ тотъ ликъ, тотъ мозгъ, ту руку,
Она схватила молнію въ вѣкахъ.
А послѣ, бога чувствуя въ рукахъ,
Потомокъ подарилъ циклоны звуку.

ЗАКАТНАЯ ПИРАМИДА

Улетѣли священные ибисы,
Не алѣютъ озера фламингами,
Пронеслись Австрайлійскіе лебеди,
Апокалипсисъ птицѣй свершень.
И не скажутъ о Духѣ намъ голуби,
Не расскажутъ намъ дѣтскаго ласточки,
Только гдѣ-то поютъ пересмѣшники,
Перепѣвъ, перезвукъ, перезвонъ.

Не восходятъ надъ Ниломъ папирусы,
Не привѣтствуютъ Горуса лотосы,
Только пепельно-черные ирисы,
Расширяютъ испуганный глазъ.
Да кровавятся тѣни закатныя,
Расцвѣчаютъ Пустыню вечернюю,
И о Сфинксѣ, когда-то вѣщательномъ,
На пескахъ вышивають рассказъ.

АЛЫЙ ИЗУМРУДЪ.

Птичка алый изумрудъ
Распѣваетъ, да не тутъ,
Не надъ нашими полями,
А за теплыми морями.

Почему ее зовутъ
Птичка алый изумрудъ?
Вся она—какъ листь зеленый,
Голось—ангельскіе звоны.

Вся зеленая она,
А на грудкѣ два пятна,
Въ честь востока и заката
Два зажженные граната.

Легкокрылая она,
Запоеть, дрожить струна,
Точно лунный духъ печальный
Въ церкви молится хрустальной.

Если алый изумрудъ
Люди въ клѣтку закують,
Вмигъ погаснетъ безъ возврата,
Нѣтъ листка и нѣтъ граната.

СОЛНЕЧНИКЪ.

Есть солнечникъ-колибри. Птичка эта
 Въ свое гнѣздо вплетаетъ красный мохъ.
 Въ Бразиліи, въ странѣ цвѣтовъ и свѣта,
 Она жужжитъ, и любитъ птичку Богъ.

Подъ самкою яички ярко-красны,
 Самецъ летитъ, какъ брошенный рубинъ.
 Такъ межъ собой во всемъ они согласны,
 Какъ будто міръ есть красный цвѣтъ одинъ.

Всего охотнѣй въ алый часъ заката
 Они жужжать, касаясь лепестковъ,
 И вѣнчиковъ, гдѣ ладанъ аромата
 Исходитъ изъ цвѣточныхъ огоньковъ.

Когда же кровь колибри, кровь живая,
 Ему споешь, что крайній часъ насталь,
 Взлетаетъ къ Солнцу птичка, догорая,
 И въ этотъ день закатъ особо аль.

ТИИ-ВИТЬ.

Эта птичка-невеличка,
По прозванью тии-вить,
Точно быстрая рѣсничка,
И мелькаетъ и глядитъ,
„Тии-вить“ и „Тии-вити“,
Клювикъ дрогнуль, клювикъ сжать.
На короткой тонкой нити
Двѣ-три бусинки дрожать.

Эта птичка-невеличка,
Съ ней навѣрно ты знакомъ,
У нея горѣть привычка
Алымъ малымъ огонькомъ.

Въ дни, когда все было внови,
Жизнь была какъ чудо чудъ,
У нея три капли крови
Расцвѣли и все цвѣтуть.

Эта птичка знаетъ чары,
Промелькнувъ огнемъ въ кустѣ,
Въ небѣ выманить пожары,
Вызвать громы въ высотѣ.

Чуть раздастся троекратно
„Тіи-вити, тіи-вить“,
Вѣтры встанутъ всеохватно,
Туча съ молніей летить.

И, склонивъ головку влѣво,
Смотритъ птичка тіи-вить,
Какъ подъ звукъ ея напѣва
Дождь идетъ, и громъ гремитъ.

МИГЪ БЛАГОВѢСТІЯ.

Я куколка. Я гусеница.

Я бабочка. Не то. Не то.

Одно лицо, и разны лица.

Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Яичко.

Я сѣмечко. Я мысль. Зерно.

Въ живой душѣ всегда привычка

Въ вѣкахъ вертѣть веретено.

Я дѣтка малая. Глядите.

Зеленоватый червячокъ.

Мой часъ пришелъ. Скрутитесь, нити.

Дремать я буду должный срокъ.

Меня не трогайте. Миѣ больно,

Когда до люльки червяка,

При видѣ искуса, невольно,

Коснется чуждая рука.

Какъ малый маятникъ, я вправо
И влево выражу, что сплю.
Не троньте. Сонъ мой не забава,
Но я подобенъ кораблю.

Я храмъ. Въ мой самый скрытый ярусъ
Ударилъ вѣрный лучъ тепла.
Корабль, дрожа, раскрылъ свой парусъ,
Весна красна. Весна пришла.

Крыло есть признакъ властелина.
Быль житнетворческимъ мой сонъ.
Я око синее павлина,
Я желтокрылый махаонъ.

Будя полетомъ воздухъ чистый,
И поникая надъ цвѣткомъ,
Цѣлую вѣничикъ золотистый
Я задрожавшимъ хоботкомъ.

Мигъ благовѣстія. Зарница,
Животворящая цвѣтокъ.
Не куколка. Не гусеница.
Я бабочка. Я мотылекъ.

ЦАРЬ-ТРАВА.

Чтобъ съ Царь-Травы взять чѣмъ она богата,
И тайное въ ней воспріять добро,
Ее повиненъ принимать сквозь злато,
Иль въ кругъ досягнуть сквозь серебро.

Ту Царь-Траву не всякъ, кто ищетъ, встрѣтитъ,
А кто ее нечаянно найдетъ,
Какъ бы березку тонкую замѣтитъ,
Вдругъ нѣтъ ея, и гдѣ, нищи хоть годъ.

Но, если довелось тебѣ, случайно,
Вплотную къ стройной стати подойти
Поймешь, что есть здѣсь огненная тайна
И златомъ кругъ съ проворствомъ очерти.

Иль серебромъ. Въ немъ Мѣсяць. Солнце въ златѣ.
Коснись травы, дыханье затая.
Коснешься въ ней глубинной благодати.
Твои—цвѣты, коль Царь-Трава твоя.

КРАСА ЦВѢТКА.

Краса цвѣтка нерукодѣльная,
Весь цвѣтъ свой Богу отдаетъ,
И для пчелы, какъ чаша цѣльная,
Хранить въ себѣ душистый медъ.

Среди смарагдовъ, что качаются
Полднвнымъ Солнцемъ горяча,
Въ лугахъ, гдѣ мысль и мысль встрѣчаются,
Горитъ цвѣточная свѣча.

Когда же Ночь подходитъ черная,
И звѣзды высыпать, спѣша,
Имъ ладанъ лъетъ нерукотворная
Себя отдавшая душа.

ОТРАЖЕНІЕ.

Нѣмой затонъ задумался, безъ дна,
Хоть можетъ быть есть гдѣ-то дно, глубоко.
Молва его зоветъ Морское Око,
Моря ушли, но память ихъ вѣрна.

Въ томъ озерѣ морская тишина,
Изысканная греза одинока,
Такъ въ мірѣ захотѣла прихоть Рока,
Хрустальная безгласна пелена.

Съ высотъ въ затонъ глядится Мѣсяць сонный,
Отобренный ликъ преображенъ;
Коддунъ безумныхъ, вѣщихъ, дѣвъ, и жень!

Прядутъ мгновенья въ тишинѣ всезвонной,
Дѣйствительность и тканый воздухъ сна:
Прекрасенъ разумъ, въ зеркало влюбленный!

САДЪ.

Въ начальныхъ дняхъ сирень родного сада,
Съ жужжаніемъ вокругъ нея жуковъ,
Шмелей, и ось, и яркихъ мотыльковъ,
Есть цѣлый міръ, есть звѣздная громада.

Увита въ хмѣль садовая ограда,
Жасминъ исполненъ лунныхъ огоньковъ,
А лѣто съ пересвѣтомъ свѣтляковъ
Какъ служба ночью въ храмахъ Китежь-Града.

Онъ нашимъ былъ, весь этотъ дружный ладъ
Сплетеній, пѣній, красокъ, очертаній,
Гдѣ былъ пѣвучъ и самый звукъ рыданій.

Въ хрустальной глуби музыка усладъ,
Ушла въ затонъ созвенность стройныхъ зданій,
Но счастливъ тотъ, кто въ дѣтствѣ видѣлъ садъ.

МЕДЪ.

Миѣ нравились веселыя качели,
Пчела, съ цвѣтка летящая къ цвѣткамъ,
Весенній смѣхъ и плясъ и шумъ и гамъ,
Хмѣль Солица и созвѣздій въ юномъ тѣлѣ.

Но чаши, золотѣя, порѣдѣли.
Миѣ нравится молчащій гулко храмъ,
А въ музыкѣ, бѣгущей по струнамъ,
Глубокіе тона віолончели.

Какъ много убѣдительности въ томъ,
Что говорятъ играющія струны:—
Не юноши, а мы съ тобой здѣсь юны.

Свирѣль журчитъ, слабѣя, за холмомъ,
А къ намъ идутъ колдующія луны,
И медь густой есть въ ульѣ вѣковомъ.

САРАСВАТИ.

На перьяхъ многокрасочныхъ павлина,
Святого Брамь мудрая жена,
Сидитъ,—въ рукѣ у Сарасвати вина,
На винѣ свѣтитъ каждая струна.

Еще стоитъ на лотосѣ она,
Всей Индіи священная картина,
Глаза миндалевидные безъ дна,
Цвѣтокъ мечты, въ немъ пламень сердцевина.

Богиня пляски, музыки, и словъ,
Что ткуть стихи въ словесномъ поцѣлуѣ,
Медвяный гимнъ изъ міровыхъ основъ.

Съ ней, краснопѣвной, міръ нашъ вѣчно новъ.
Звени, струна, шепчитесь, вихри, струи,
Въ многосіяньи радужныхъ тоновъ.

ПѢНІЕ.

Я былъ надъ Гангомъ. Только что завѣса
Ночныхъ тѣней, алѣя, порвалась.
Блеснули снова башни Бенареса.

На небѣ возсіялъ всемірный Глазь.
И снова, въ сотый разъ,—о, въ миллионный,—
День началъ къ ночи длительный рассказъ.

Я проходилъ въ толпѣ, какъ призракъ сонный,
Узорной восхищаясь пестротой,
Игрой всего, созвенной и созвоинной.

Вдругъ я застылъ. Надъ самую водой,
Ликъ блѣдный обратя въ слезахъ къ Востоку,
Убогій, вдохновенный, молодой,—

Возникъ слѣпецъ. Онъ огненному Оку
Слагалъ, склоняясь, громкіе псалмы,
Изъ словъ цвѣтныхъ сплетая поволоку.

Потокъ огня, взорвавшійся изъ тьмы,
Свѣтясь, дрожа, себя перебивая,
Дождь золотой изъ прорванной сумы, —

Рыдала и звенѣла рѣчь живая.

И онъ склонялся,
И онъ качался,
И расцвѣчался
Огнемъ живымъ.
Рыдалъ, взметенный,
Просилъ, влюбленный,
Молилъ, смущенный,
Быль гесь какъ дымъ.

Размѣрь мѣняя,
Тоска двойная,
Перегоня
Саму себя,
Лилась и пѣла,
И безъ предѣла

Она звенѣла,
Слова дробя.

Страдать жестоко,
По волѣ рока,
Не видя Ока
Пресвѣтлыхъ дней, —

Но лишь хваленье,
Безъ мглы сомнѣнья,
Лишь пѣснопѣнья
Огню огней.

Привѣтъ—пустынямъ.
Надъ Гангомъ синимъ
Да не остынемъ
Своей душой.
Слѣпецъ несчастный,
Пѣвецъ прекрасный,
Ты въ пылкѣ страстной
Миѣ не чужой.

И если, старымъ,
Ты къ тѣмъ же чарамъ,
Сердечнымъ жаромъ,
Все будешь пѣть,—
Мысль мыслью чуя,
Вздохнувъ, пройду я,
Къ тебѣ въ суму я
Лишь брошу мѣдь.

ИНДІЯ.

Съ вершинъ небесъ упалъ на землю Гангъ.
И браманы въ немъ черпають отвагу
Читать міры, смотря умомъ во влагу.
Тамъ, за холмомъ, томится гамелангъ.
Раскрытый лотосъ—достоверность дара.
Въ той чашѣ голубое есть вино,
Глядящему упиться имъ дано.
Готовитъ Солнце празднество пожара.
Мечта звенить. Священный вьется дымъ.
Какъ хорошо быть въ ладѣ съ Міровымъ.

ТАНЕЦЪ ИСКРЪ.

Лунный свѣтъ, расцвѣтшій надъ водою,
Златоокихъ полный огоньковъ,
Онъ горитъ звѣздою молодою,
Бѣлый лотосъ въ тридцать лепестковъ.

На зарѣ приходитъ Индіанка,
Нѣжить тѣло смуглое въ волнѣ,
А позднѣй крылатая свѣтлянка
Танецъ искрѣ ведетъ какъ по струнѣ.

Но струнѣ извилистой и странной,
Какъ въ ножѣ Малайскомъ лезвіе,
Какъ извивы губъ моей желанной,
Какъ любовь, гдѣ все мое — твое.

Переливы, срывы, и отливы,
Погасить, чтобъ вновь сейчасъ зажечь,
Это-ль, въ часъ, когда всѣ сны красивы,
Не души къ душѣ живая рѣчь.

Бѣлый лотосъ тридцать бѣлыхъ крылій
Развернулъ и смотритъ въ водоемъ,
Расцвѣти же, лучшая изъ лилій,
Въ танецъ искрѣ мы два огня сольемъ.

ВѢНЧАНІЕ ВЪ СТРАНѢ ЛОТОСА.

Когда нареченную

Должны отвести къ жениху въ предназначенный домъ,
Ее омывають душистой водой, чтобъ отдать совершенною,
Настой изъ цвѣтовъ заправляютъ пахучимъ и нѣжнымъ
плодомъ.

Чуть сумракъ отвѣтается,

Какъ пчелы облѣпять цвѣтокъ, къ ней подружки спѣшать,
Надъ юною плотью душистое таинство рѣзать и дѣлается,
Да къ нѣжности нѣжность на праздникъ любви принесеть
ароматъ.

Ее пристыженную

Потомъ облакають въ нетронутый свѣжій покровъ,
Сажаятъ ее у огня, чтобы онъ озарилъ благовонную,
И чуть прикоснется огня, убажжаютъ высокихъ боговъ.

Горять возліянія

Веселому Агни, и Сомѣ, что луноно пьянить,
Гремучему Индрѣ, и Митрѣ, что мечуть по небу сіянія,
И каждый уваженъ здѣсь богъ, что въ напѣвныхъ вѣкахъ
именить.

И дѣвами юными

Женихъ окруженный навстрѣчу желанной идетъ,
Два сердца поютъ и звенять переливными звонкими
струнами,
И зеркало въ руку ей давъ, говоритъ онъ, что въ травахъ
есть медь.

Надъ ними сверканіе,

Мечъ старшіе держать, и смотреть женихъ на Востокъ,
И смотреть невѣста на Западъ, и въ этомъ завѣтъ пред-
вѣщанія,
Что видятъ они двѣ зари и въ одинъ сочетаютъ ихъ
срокъ.

И млѣетъ влюбленная,

И млѣетъ влюбленный, вѣчанные въ счастье идя,
„Я—ты“, говорить, „ты же—я,“ „Небо—я, ты—земля
благовонная.“

И сыплются зерна на нихъ, какъ весенняя пляска дождя.

ДЕОДАРЬ.

Въ моей Индусской рощѣ есть древо деодарь,
Своимъ стволомъ смолистымъ восходить въ высь оно,
Его расцвѣтъ походить на призрачный пожарь,
Голубоваты вѣтви, внизу у пня темно.

Зовется деревомъ Солнца то древо деодарь,
Еще зовется мощнымъ, и деревомъ чистоты,
Но изъ ствола исходить неволящій угарь,
И паутинягъ вѣтви для душъ силки мечты.

Восходить стройнымъ кедромъ то древо деодарь,
Какъ руки въ часъ молитвы, идутъ ряды вѣтвей,
Но кто лѣсныхъ коснулся густыхъ смолистыхъ чарь,
Тоть древу деодару отдасть всю пряжу дней.

ДО РОЖДЕНЬЯ.

Еще до рожденья, къ намъ въ нѣжное ухо
Нисходитъ съ лазурнаго неба ээирь,—
Оттуда имѣемъ сокровище слуха,
И съ дѣтства до смерти мы слушаемъ мѣръ.

Еще до рожденья, отъ Солнца нисходитъ
Утонченный лучъ въ сокровенный зрачокъ,—
И ищетъ нашъ глазъ, и часами находитъ
Небесное въ буквахъ всѣхъ временныхъ строкъ.

Еще до рожденья, взлелѣяны свѣтомъ
И мглами и снами различнѣйшихъ лунъ,—
Мы стройно проходимъ по разнымъ планетамъ,
И въ звѣздныя ночи здѣсь разумъ нашъ юнъ.

Земные, небесны мы въ сказочной мѣрѣ,
Но помнимъ лишь рѣдко тотъ видѣнный сонъ,—
Еще до рожденья, еще на Венерѣ,
Въ тебя я, о, сердце, былъ звѣздно влюбленъ.

СОНЕТНОЕ ТЕЧЕНЬЕ.

Когда въ стихѣ сонетное теченье,
Быть можетъ ты споешь и не сонеть,
Но по игрѣ чуть видимыхъ примѣтъ
Узнаю я его предназначенье.

{ Волна къ волнѣ всегда полна влеченья,
Изъ глазъ въ глаза всегда доходить свѣгъ,
Яви въ зрачкахъ таинственный объѣтъ,
Навѣкъ межъ нами будетъ обрученье.

Въ сплетеньи строкъ такая жъ тайна есть,
Какъ между обручен'емъ и свадьбой,
Межъ липой и старинною усадьбой.

Терцинное сейчасъ дополню шесть,
И хоть мѣняю риѣму для каприза,
Сонеть, какъ жрецъ, здѣсь выткалась вси риза.

КОЛЬЦО.

Въ пиру огней я кравчій былъ и стольникъ,
Смотря въ алмазь узорнаго кольца.
Повторный въ немъ горѣль восьмиугольникъ,
И блескъ перебѣгалъ тамъ безъ конца.

Люблю многоизмѣнчивость лица,
Передъ которымъ вольный я невольникъ.
И розсыпь грезъ, кующихъ кругъ вѣнца,
И быстрыхъ словъ разсыпанный игольникъ.

Четыре есть стихіи въ Міровомъ,
А здѣсь въ алмазѣ дважды есть четыре.
Игла иглу, остра, торопить въ мірѣ.

Въ кольцо намекъ на молнію и громъ.
Огни растутъ. Потокъ лучей все шире.
И всѣ поютъ: Идемъ! Бѣжимъ! Блеснемъ!

ПОРТРЕТЪ.

Газель, и конь, и молнія, и птица,
Въ тебѣ слились и ворожатъ въ глазахъ,
Колдуетъ полночь въ черныхъ волосахъ,
Въ поспѣшной рѣчи зыбится зарница.

Есть сновидѣнно намъ родныя лица,
Въ восторгъ любви въ нихъ проскользаетъ страхъ.
И я тону въ расширенныхъ зрачкахъ,
Твоихъ, о, Византійская царица.

Съ учтивостью и стрѣстью руку взявъ,
Что дополняетъ весь твой зримый нравъ
Плѣнительными длинными перстами, —

Смотрю на перстни, въ нихъ поетъ алмазь,
Рубинъ, опаль. Дордѣль закатный часъ.
И править Ночь созвѣздными мечтами.

КЛЮЧЪ.

Волшебница дала мнѣ ключъ блестящій,
Отъ замка, въ чьемъ саду всѣ сны Земли
Безсмертными цвѣтами расцвѣли.
Онъ былъ окутанъ благовонной чашей,—

Онъ былъ украшенъ птицею летящей,
Зарей, разлившей алый блескъ вдали,
Какъ будто духи сокъ рубиновъ жгли.
Я подходилъ къ разгадкѣ настоящей.

Предъ замкомъ мостъ. Подъ нимъ течеть рѣка.
Въ водѣ свѣтилась бездна голубая.
Вдругъ, быстрымъ кругомъ птицу огибая,—

Другая птица пала свысока.
Я видѣлъ кровь. Разжалась вмигъ рука.
И ключъ упалъ, чуть всхлипнувъ, утопая.

ЗНАКИ.

Я ихъ читалъ, безчисленные знаки,
Начертанные мыслью вѣковой,
Гадаль по льву въ скругленномъ зодіакѣ.

Чрезъ гороскопъ читалъ грядущій бой,
Размѣтилъ Ассирійскія дружины,
И ихъ пронзилъ Египетскою стрѣлой.

Ликъ божій, человѣчій, соколиный,
По очереди ввелъ въ гіероглифъ,
Надъ цѣлымъ міромъ былъ я царь единый.

Мой мечъ былъ быстръ, двуостръ, и прямъ, и кривъ,
Мой шлемъ звѣринъ, и бился я безъ шлема,
Я избивалъ неисчислимость дивъ.

На мнѣ порой качалась діадема,
Я убѣгалъ отъ царскаго вѣнца,
Отъ Вавилона шель до Виолеема.

Возжаждавъ жала страсти безъ конца,
Я уронилъ свой помысль въ звоны систра,
И пѣлъ Гаторъ, близъ нѣжнаго лица.

Какъ Богдыханъ, я перваго министра
Караль, какъ сына пѣствуетъ отецъ,
Быль звѣздочеть, кружились звѣзды быстро.

Блестящую стрѣлу стремилъ Стрѣлецъ,
Но былъ одѣтъ я въ поясъ Оріона,
И мой во всемъ побѣдный былъ конецъ.

Опредѣливши очеркъ небосклона
Прикосновеннымъ циркулемъ ума,
Велѣлъ звѣздѣ не нарушать закона.

О, какъ полна богатствъ моя сума!
Но вотъ, какъ дважды два всегда четыре,
Не скажетъ день, не изъяснитъ мнѣ тьма,

Гдѣ могъ бы отъ себя я скрыться въ мірѣ!

ЧЕРЕЗЪ ВЪКА.

Звонъ гонга въ сонномъ раѣ Богдыхана,
Тончайшія сплетенья шелковицъ,
Рожденье лунъ, привычки рѣлкихъ птицъ,
Отгѣнки льна, росистымъ утромъ, рано,—

Созвенность грезъ, плывущихъ изъ дурмана,
Нѣмой разговоръ навѣкъ застывшихъ лицъ,
Все, что въ границахъ, все, что внѣ границъ,
Что ярко, тускло, мудро, нѣжно, пьяно,—

Улада быть покорѣйшимъ рабомъ,
И ужась вѣдать полюсь полновластья,
Заря стыда, нагорный снѣгъ безстрастья,—

Сто тысячъ лѣтъ быть въ сѣромъ и слѣпомъ,
Сто тысячъ лѣтъ быть зоркимъ въ голубомъ,—
Я знаю все! Не знаю только—счастья!

И радуги, и звезды, и луна,
Весь Север-Юг, и Арктика,
И Юг-Север, все, что есть на свете,
На дню и ночью, в Сибирь и в степь.

И вьют орлы, и вьют журавли,
Вьют и вьют, и вьют и вьют,
Улетят, улетят на юг, на юг,
Съезжают * ЗВУКЪ ЗВУКОВЪ.

Сейчас на Севере горит Луна,
Сейчас на Севере бѣгут олени.
Равнина сибирская мертва, ясна.
Отъ тучекъ маленькихъ мелькають тѣни.

На небѣ стынущемъ огромный кругъ.
Какія радуги, Луна, ты плавишь?
Когда-бъ на Севере мнѣ умчаться вдругъ
Отъ черно-бѣлаго мельканья клавишь!

СКИѠСКАЯ ЛЪТОПИСЬ.

Когда земля была пустая,
И былъ безлюдень СкиѠскій край,
Свирѣлью время коротая,
Жиль мужь, что звался Таргитай.

Родился въ мѣрь онъ отъ Перуна
И отъ Диѣпранки молодой,
Тогда все въ мѣрь было юно,
Но мѣрь скучаль, онъ былъ пустой.

Свирѣль роняла звуки въ воду,
Свирѣль струила пѣсни вдаль,
Но всю безлюдную природу
Безгласно стерегла печаль.

Одна Диѣпровская русалка
Внимала, какъ свирѣль грустна,
Ей Таргитая стало жалко,
Изъ водъ пришла къ нему она.

И родились у нихъ три сына,
Быль Липо-Ксай, и Арпо-Ксай,
И Кола-Ксай, три властелина,
Но быль пустыненъ Скиѳскій край.

И въ Цвѣтенъ, въ мѣсяцъ сновъ и миѳовъ,
Въ день пѣснесловъ и въ часъ игры,
Упали вдругъ на землю Скиѳовъ.
Съ небесъ высокіе дары.

Соха, ярмо, сѣкира, чаша,
Ниспали быстрой чередой,
Все то, чѣмъ жизнь красива наша,
И каждый даръ быль золотой.

Подходить старшій братъ, увидя,
Все это, мыслить, для меня,
Но злато, въ пламенной обидѣ,
Одѣлось вскипами огня.

И такъ же братъ подходитъ средній,
А злато жожеть,—моль, прочь ступай,
И послѣ всѣхъ пришелъ послѣдній,
Смиренный, младшій, Кола-Ксай.

Соха златая остудилась,
Раскрыла землю лезвіемъ,

Ярмо, все въ лентахъ, опустилось
На двухъ воловъ, что пашутъ днемъ.

Сѣкиру въ бой ведетъ отвага,
А въ дни труда она топоръ,
Лишь въ чашѣ золотая брага
Вечерній расцвѣчаетъ взоръ.

Достигши края Амазонокъ,
Два старшихъ брата взяли женъ,
И смѣхъ дѣтей ихъ нынѣ звонокъ,
Гдѣ Волга и Ока и Донъ.

А младшій братъ нашелъ подругу
Полянку, женку у межи,
И вмѣстѣ съ ней идетъ по лугу,
Въ вѣнкѣ изъ васильковъ и ржи.

Но чуть заржугъ за степью кони,
Звенить и стонеть Скиѣскій край:—
Сынамъ о радостяхъ погони
Свирѣлить пѣсню Таргитай.

КТО КОГО.

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгону.

Я колдую. Вихри чую. Грѣю сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетимъ.
Жарко дышитъ. Мысли слышитъ. Конь огонь и побратимъ.

Врагъ мой равень. Полноправень. Чей скорѣй вскипитъ
бокаль?

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогналъ.

ДУГА.

Радуга-дуга, не пей нашу воду.
Дѣтская игра.

1.

Всецвѣтный свѣтъ, невидимый для глаза,
Когда пройдетъ черезъ хрустальный клинь,
Ломается. Въ безцвѣтномъ онъ единъ,
Въ дробленіи—игранье онъ алмаза.

Въ немъ семь мгновений связнаго разказа:—
Кровь, уголь, золото, стебель, лень долинь,
Колодець неба, синеалый сплинъ,
Семи цвѣтовъ густѣющая связа.

Дуга небесъ—громовому коню—
Остановиться въ бѣгѣ назначенье,
Ворота въ кротость, сказка примиренья.

Въ фіалку—розу я не измѣню.
Раздѣльность въ цѣльномъ я всегда цѣню.
Бросаю клинь. Мнѣ чуждо раздробленье.

2.

Какъ хорошо въ цвѣтахъ отъединенье:—
 Чтò рознь, то рознь, хоть мѣръ есть цѣльность сна.
 Миѣ кровь какъ кровь, и лишъ какъ кровь, нужна,
 Не какъ дорога семиизмѣненья.

Семь струнъ моихъ, и въ нихъ едино пѣнье,
 Но каждая есть вольная струна.
 И мѣдный уголь, и змѣя-волна,
 И среброзлато, все есть опьяненье.

Но ты, что внемлешь миѣ сейчасъ, замѣть:—
 Я громъ люблю какъ высшую свободу,
 Не красочно размѣченную сътъ.

Для арфы злато, для чекана мѣдь.
 Не пей, дуга, дождей текучихъ воду,
 Миѣ, каплѣ, дай, средь капель, жить и пѣть.

КОВЧЕГЪ ЗАВѢТА.

Красный, мѣдный, золотой,
Травка, голубь, глубь небесь,
И фіалка надъ водой,
Полноцвѣтный кругъ чудесь.

Есть и крайняя черта,
Чтобъ почувствовать полиѣй:—
Передъ кровью темнота,
Вся въ багровостяхъ тѣней.

И въ другомъ еще черта,
Берегъ тотъ увидь яснѣй:—
Тамъ сверкаетъ красота
Фиолетовыхъ камней.

Ходятъ громы искони,
Пляшутъ молніи вверху.
Но воркуютъ наши дни,
Вѣрь любви, и вѣрь стиху.

Бросься въ красные огни,
Буря—свѣжесть, громъ—привѣтъ.
Встала Радуга. Взгляни.
Это съ Богомъ есть завѣтъ.

УШЕДШІЙ.

Довѣрчиво жилъ я съ тѣмъ племенемъ страннымъ,
Которое въ мірѣ зовется людьми.
Но скучно въ ихъ праздникѣ скупно-обманномъ.
Пустыня, раскройся, и сына прими.

Остыль я къ людскому. Мнѣ ближе стрекозы.
Летучія рыбки, когда я въ моряхъ.
И лѣтнія розы. И вешнія грозы.
И вечеръ въ горячихъ своихъ янтаряхъ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Изъ гусеницы гаденькой
Сперва бываетъ куолка,
Потомъ бываетъ бабочка,
Летить, пьянясь слегка.
Мерцаетъ надъ травинками,
Цѣлуется съ былинками,
Питается пылинками
Душистаго цвѣтка.

Но этимъ не кончается,
Летить, летаетъ бабочка,
Вдругъ выростетъ крылатая
Колибри, вся въ огнѣ.
И въ рдѣни и въ млѣни,
Она въ жужжащемъ пѣни,
Объ этомъ превращеніи
Сказали Негры мнѣ.

ИЗЪ ВЫЮГИ.

Полиняло поле клевера.

Смолкли клики журавлей.

Въ бѣгѣ мига, въ смѣнѣ дней,

Свѣяль вѣтеръ выюгу съ Сѣвера.

О минувшемъ не жалѣй.

Посмотри, въ какіе жгутики,

Воя, вьетъ снѣга мятель.

Сказокъ дымная кудель.

Въ смѣнѣ снѣга скрыты лютики.

Ледъ къ веснѣ готовить хмѣль.

СТРѢЛА.

Опять оповѣщаетъ веретенно
Безчисленно журчащихъ ручейковъ,
Что весело рождаться изъ сигговъ
По прихоти колдующаго Солнца.

Пчела, проснувшись, смотреть изъ оконца,
На вербѣ ей душистый пиръ готовъ,
Оставленъ темный улей для цвѣтовъ,
Что тонкое развили волоконце.

Вотъ за пчелой летить еще пчела.
Другая, третья. Благовѣстятъ звономъ.
Межъ тѣмъ сквозь дымъ дальняго села, —

Гдѣ только что обѣдня отошла,
Къ полямъ, къ лѣсамъ, и по холмистымъ склонамъ,
Летитъ отъ Солнца свѣтлая стрѣла.

ХОДЯЩАЯ СИЛА.

Мнѣ снились, въ ратрывѣ пожарищъ небесныхъ,
Двѣ огненныхъ, бьющихъ другъ друга, лозы,
И мчался Перунъ на громахъ полнолѣсныхъ,
Живая ходящая сила грозы.

Откуда идетъ онъ? Уходитъ куда онъ?
Не знаю, но теплое лѣто за нимъ.
И точно заря онъ, и точно звѣзда онъ,—
Одѣтъ онъ разсвѣтомъ и днемъ огненнымъ.

Движенье-ль онъ мысли иль страсти Сварога,
Тѣхъ синихъ, тѣхъ звѣздныхъ широтъ и высотъ?
Не знаю, но знаю, что ярый—отъ Бога,
И сердце ликуеть, когда онъ идетъ.

ВЕСЕННЕЕ.

Межь сосень лучисто-зеленя пятна
На травахъ, на нѣжно-весенней землѣ.
Ужь скоро весь лѣсъ расцвѣтетъ ароматно,
И ласточка сказку примчить на крылѣ.

Своимъ щебетаньемъ рассыплеть ту сказку
Лазурною вязью пролѣсокъ и сна.
Танцуетъ Весна. Уронила подвязку.
И гдѣ уронила, тамъ сказка видна.

Она изъ зеленыхъ и бѣлыхъ и синихъ
И желтыхъ и красныхъ и дикихъ цвѣтовъ.
Безчинствуетъ Лѣшій въ лѣсистыхъ пустыняхъ,
И зайца съ зайчихой ославить готовъ.

ДРЕВОСТУКЪ.

Древостукъ, иначе дятель,
Въ роцѣ вешней застучаль,
Много дыръ законопатиль,
Много новыхъ означаль.
Длиннымъ клювомъ по деревьямъ
Червяковымъ шель путемъ,
Многимъ былъ конецъ кочевьямъ,
Стуки, звуки, шумъ, погромъ.
У жучка, опочивальной,
Ползъ испуганный червякъ,
И звучало въ роцѣ дальней
Таки-тукъ и тики-такъ.
„Ужь какой несносный дятель!“
Прожужжали комары.
„Всѣ стволы онъ размохнатиль.
Убирайся до поры!“
Комарамъ не послушая,
Длинноклювый древостукъ
Веселился, отбивая
Тики-такъ и таки-тукъ.

ВЕСЕННИЙ СВѢТЬ.

Завель комарикъ свой органчикъ.
Я изъ былинки сдѣлалъ шестикъ,
Взошелъ на желтый одуванчикъ,
И пью, нашель медвяный пестикъ.

Всю осушивъ бутылку меду,
Зеленый жукъ, рожденный чудомъ,
Свѣчу весеннему я году
Своимъ напѣвнымъ изумрудомъ.

НА МЕЛЬНИЦѢ.

Изъ орѣховой скорлупки
Приготовивши ковчегъ,
Я сижу, поджавши губки:—
Гдѣ-то будетъ мой ночлегъ?
Предъ водою не робѣя,
Для счастливаго конца,
Я, находчивзя Фея,
Улещаю плавунца.
„Запрягись въ мою скорлупку,
И вези меня туда,
Гдѣ на камнѣ мелютъ крупку,
И всегда кипить вода.“
Быть исполненнымъ догадки
Веслоногій плавунецъ:—
Съ мышкой мельничною въ прятки
Я играю наконецъ.
Плавунца я отпустила,
Услыхавши жернова.

Онъ нырнулъ въ домокъ изъ ила,
Гдѣ подводится трава.
Хороводятся тамъ стебли,
Снизу прячется пискарь.
Плавунецъ, искусный въ греблѣ,
Между всѣхъ нырялокъ царь.

А подальше отъ запруды
Заходя за перекачь,
Въ быстромъ блескѣ мчатся гуды,
Всплески, брызги, влажный градъ.
Надъ вспѣннымъ водопадомъ,
Съ длинной бѣлой бородой,
Жернова считаетъ взглядомъ
Мельникъ мудрый и сѣдой.
У него жена колдунья,
Изъ муки Луну прядеть,
Причитаетъ бормотунья:—
„Четь и нечетъ, нечетъ, четь.“
Насчитаетъ такъ, до счета,
Пыль тончайшей бѣлизны,
Замерцаетъ позолота,
Въ небо выйдетъ серпъ Луны.
Выйдетъ тонкій, и до шара,
Ночь за ночью, въ небосводъ,
Лунно-бѣлая опара,
Пряжа Мѣсяца плыветь.

Въ эти мѣсячныя ночи
Воздухъ манить въ вышину,
Разумъ дѣвушекъ короче,
Стебли тянутся въ струну.
И колдунья съ мукомоломъ,
Что-то въ полночь пошентавъ,
Слышать въ сумракѣ веселомъ
Проростанье новыхъ травъ.

Я же съ мельничною мышкой,
Не вводя избу въ изьянъ,
Прогремлю въ сѣняхъ задвижкой,
Опрокину малый жбанъ.
Мы играемъ съ кошкой въ жмурки,
Уманимъ ее на столъ.

А подь утро у печурки
Отъ муки весь бѣлый полъ.

НЕИЗЪЯСНИМОЕ.

Неизъяснимо удовольствіе
Проникнуть въ тайны Вещства.
Услыша птичьи разглагольствія,
Я замыкаю ихъ въ слова.

Блуждая дряхлыми селищами,
Я нахожу траву-разрывъ.
А если гдѣ встрѣчаюсь съ нищими,
Бываетъ нищій прозорливъ.

Дружу съ слѣпыми я и старыми,
Еще съ дѣтьми я говорю.
Учусь у сновъ, играю чарами,
И провожаю въ путь зарю.

ПО ЗАРЯМЪ.

По зарямъ я траву—выстилаю шелками,
Уловляю разрывъ - въ золотой аксамитъ,
И когда уловлю,—пусть я связанъ узлами,
Приложу какъ огнемъ,—самый крѣпкій сгорить.

Есть трава бѣлоярь, что цвѣтетъ лишь минутою,
Я ее усмотрю—и укрою въ строку,
Я для вѣтра нашель зацѣпленье и путю,
Онъ дрожить и поеть, развѣвая тоску.

Травка узикъ—моя, вся сердита, мохната,
Какъ желѣзца у ней тонкострѣльны листы,
Надъ врагомъ я хотѣлъ посмѣяться когда-то,
Заковаль его въ цѣль—многодневной мечты.

А травинка кликунь кличетъ гласомъ по дважды
На опушкѣ лѣсной такъ протяжно: „Ухъ! Ухъ!“
И ручьи, зажурчавъ, если полонъ я жажды,
Отгоняя другихъ, мой баюкають слухъ.

Также быліе цвѣтъ есть съ дѣвическимъ ликомъ,
Листья—шелкъ золотой, а цвѣтокъ—точно ротъ,
Я травинкой качну,—и въ блаженствѣ великомъ
Та, кого я люблю, вдругъ меня обойметъ.

• ИНАЯ ЖИЗНЬ.

Всю жизнь хочу создать изъ свѣта, звука,
Изъ лунныхъ сновъ и воздуха весны,
Гдѣ лишь любовь единая наука,
И съ дѣтства ей учиться всѣ должны.

Какъ долженъ звонъ Пасхальнымъ быть рассказомъ,
Чтобъ колоколь былъ весель въ вышинѣ,
Какъ пламень долженъ пляской по алмазамъ
Перебѣгать въ многоцвѣтистомъ снѣ.

ОЖЕРЕЛЬЕ.

Тебѣ дрожащее сковаль я ожерелье,
Все говорящее отливами камней,
Въ немъ изумрудами качается веселье,
И грезить гудами рубинный хоръ огней.

Въ немъ ароматами мечтають халцедоны,
Сквозя съ гранатами въ лазоревой тѣни,
И сонъ, опалами слагая луннозвоны,
Поетъ усталыми мерцаньями: Усни.

ИЗЪ ДРЕМЫ.

Изъ вещества тончайшаго, изъ дремы,
Я для любимой выстроилъ хоромы,
Ей спальню изъ смарагдовой тиши
Я сплелъ, и тихо молвилъ: Не дыши.

Дыханье удержи лишь на мгновенье.
Ты слышишь? Въ самомъ воздухѣ есть пѣнье.
Есть въ самой ночи всеохватный звонъ.
Войдемъ въ него, и мы увидимъ сонъ.

ОТЪ СОЛНЦА.

Я родился отъ Солнца. Сіянье его заплелось
Въ ликованьи моихъ золотыхъ и волнистыхъ волосъ.
Я родился отъ Солнца и матово-блѣдной Луны.
Оттого въ Новолунье мнѣ снятся узывные сны.

Я родился въ Іюнь, когда въ круговратности дней
Торопливыя ночи короче другихъ и нѣжнѣй.
Въ травянистомъ Іюнь, подъ самое утро, когда
Въ небесахъ лишь одна, вселюбовная, свѣтитъ звѣзда.

Я отъ яркаго Солнца. Но выросъ, какъ стебель, во мглѣ,
И какъ сынъ припадаю къ сладимой родимой землѣ.
Я родился отъ Солнца. Такъ Солнцемъ я всѣхъ заклану,
Чтобы помнили Солнце, чтобъ въ сердцѣ хранили Весну.

ГРОМОВЫМЪ СВѢТОМЪ.

Меня крестить несли весной,
Весной, нѣтъ, раннимъ лѣтомъ,
И дождь пролился надо мной,
И громъ гремѣлъ при этомъ.
Предъ самой церковкой моей,
Святыней деревенской,
Цвѣли цвѣты, бѣжалъ ручей,
И смѣхъ струился женскій.
И прежде чѣмъ меня внесли
Въ притихшій мракъ церковный,
Крутилась молнія вдали,
И градъ плясаль неровный.
И прежде чѣмъ меня въ купель
Съ молитвой опустили,
Пастушья пѣла мнѣ свирѣль,
Надъ сѣгомъ водныхъ лилій.
Я раньше былъ крещенъ дождемъ,
И освященъ грозою,
Уже священникомъ потомъ,
Свѣчою и слезою.
Я въ дѣтствѣ дважды былъ крещенъ,
Крестомъ и громнымъ лѣтомъ,
Я буду вѣчно видѣть сонъ,
На вѣкъ съ громовымъ свѣтомъ.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ЛУНЫ.

Подъ этой молодой Луной,
Которой серпъ горитъ надъ изумруднымъ Моремъ,
Ты у волны идешь со мной,
И что-то я шепчу, и мы тихонько споримъ.

Такъ мнѣ привидѣлось го снѣ.
Когда жъ: въ насъ волна властительно плеснула,
Я видѣлъ ясно при Лунѣ,
Я въ Морѣ утонулъ, и ты въ немъ потонула.

Но въ полумглѣ морского дна
Мы тѣсно обнялись, какъ два цвѣтка морскіе.
Намъ въ безднахъ грезится Луна,
И звѣзды новыхъ странъ, узоры ихъ другіе.

КЪ ЛУНѢ.

- Ты—въ живомъ заострень ладья,
Ты—развязанный поясъ изъ снѣга,
Ты—чертогъ золотого ковчега,
Ты—въ волнахъ Океана змѣя,
Ты—изломанный съ края шатерь,
Ты—кусокъ опрокинутой кровли,
Ты—намекъ на минувшія ловли,
Ты—пробѣгъ черезъ полный просторъ,
Ты—вулканъ, переставшій имъ быть,
Ты—погибшаго міра обломокъ,
Ты зовешь—проходить средь потемокъ,
Чтобъ не спать, тосковать, и любить.

ПОДЪ ВѢТРОМЪ.

Я шель и шель, и вся душа дрожала,
Какъ надъ водой подъ вѣтромъ вѣтви ивь,
И злой тоски меня касалось жало:—
„Ты прожилъ жизнь, себя не утоливъ.“

Я предъ собой смотрѣлъ недоумѣнно,
Какъ смотреть тотъ, кто крѣпко спалъ въ ночи,
И видитъ вдругъ, что пламени, созвению,
Вкругъ крышь домовъ куютъ свои мечи.

Такъ вѣрилъ я, что умоначертанье,
Слагая дни, какъ кладку ровныхъ плитъ,
Въ моей судьбѣ, осуществляя знанье,
Ошибки всѣхъ легко предотвратить.

Но я, свою судьбу построивъ мудро,
Внимательно размѣтивъ чертежи,—
Узнавъ, что утро жизни златокудро,
Узналъ, что вечеръ счастья полночь лжи.

Объемный домъ, съ его взнесенной башней,
Сталь теремомъ, гдѣ въ окнахъ скуденъ свѣтъ,
Въ нѣмыхъ ларцахъ, съ ихъ сказкою вчерашней,
Для новыхъ дней мнѣ не найти примѣтъ.

Такъ говорилъ мнѣ голосъ вѣроломный,
Который прежде правдой обольстилъ,
И въ дымный часъ, скользя равниной темной,
Я въ мысляхъ шель, какъ духъ среди могиль.

А между тѣмъ за мною гнался кто-то,
Касался наклоненной головы,
Воздушная вставала позолота,
И гуль морской былъ ропотомъ травы.

Какъ будто, стебли, жить хотя, шумѣли,
Росла, опять взводимая, стѣна,
Я оглянулся,—въ синей колыбели
Быть новый ликъ, какъ Новая Луна.

И увидавъ медвяное Свѣтило,
Что, строя, разрушаетъ улей свой,
Во имя Завтра, бросивъ то, что было,
Я снова сгалъ бездомный и живой.

ПЯТЬ.

Пять гвоздей горитъ въ подковѣ,
Въ бѣгѣ быстрого коня,
Слышишь кличъ: Огня! Огня!
Слышишь голосъ: Крови! Крови!
Я далеко Жди меня.

Какъ на гусяхъ сладкострунныхъ
Древле пять жужжало струнъ,—
Какъ пяти желаетъ лунъ
Май, что медь лобзаній лунныхъ
Копить въ снѣгѣ, въ лдяномъ юнѣ,—

Какъ въ мелькающей основѣ
Пятикратно рдѣетъ нить,
Чтобы взоръ заполнить, —
Я въ твоей, всечасно, крови,
Вѣрь звѣздѣ! Должна любить!

ГРЕЗА.

Неуловимо дышетъ шелестами
Въ зеркальномъ снѣ старинный лѣсъ.
Невѣсты. Вѣсти. Взять я прелестями
Благоуханиѣйшихъ чудесъ.
Цвѣты, цѣлованные бабочками,
Цвѣтутъ, и съ нихъ летить пыльца.
Какъ сладко дѣтскими загадочками
Себя тиранить безъ конца.

АЛАЯ ВИШНЯ.

Алая вишня еще не созрѣлая,
Бѣлое платье со складками смятыми,
Въ сжатіи нѣжномъ рука онѣмѣлая,
Садъ въ полнопѣвности. Свѣтъ съ ароматами.

Влажныя губы вотъ только узнавшія,
Спавшія, взявшія сладость сліянія,
Нижнія вѣтки чуть-чуть задрожавшія,
Верхнія свѣтять. Все знали заранѣе.

ВДРУГЪ.

Я люблю тебя, какъ сердце любить раннюю звѣзду,
Какъ видѣнье, что увидишь въ зачарованномъ бреду.

Я люблю тебя, какъ Солнце любить первый лепестокъ,
Какъ рожденье нѣжной пѣсни въ свѣтлой зыби легкихъ
строкъ.

Я люблю тебя за то, что ты тѣлесная душа,
И духовное ты тѣло и безсмертно хороша.

Ты безсмертное видѣнье розовѣющей зари,
Я любви твоей воздвигну въ разныхъ даляхъ алтари.

Аргонавтомъ уплывая, я прикованъ къ кораблю,
Но чѣмъ дальше удаляюсь, тѣмъ сильнѣй тебя люблю.

ВОРОЖЕЯ.

Ворожея, ворожея,
Она цвѣла и расцвѣтала,
Она смѣялась и шептала:—
„Не видишь развѣ? Я твоя“.

И Богъ и жизнь и смерть и я,
Мы всѣ ворожею любили,
И мнѣ она, въ весенней силѣ,
Шепнула: „Я—ворожея“.

ЛОЗА.

За нѣжно розовые кончики лилей,
За нѣжно-палевыя ягоды кистей,—

За чаши бѣлыя, въ которыхъ мнѣ дано
Вдыхать лобзаніемъ горячее вино,—

За тѣло стройное, какъ юная лоза,
За взоръ узывчивый, въ которомъ спитъ гроза,—

За голосъ вкрадчивый, какъ дальняя свирѣль,
За даръ плѣнительный отбросить разумъ въ хмѣль,—

Тебя, желанную, я въ огненныхъ строкахъ
Являю взору восхищенному въ вѣкахъ.

ПЕРЕСВѢТЪ.

Закатъ расцвѣлъ. И золотомъ расплавленнымъ
Горѣла даль. А здѣсь веретено
Жужжало мнѣ. И въ чудѣ взору явленномъ,
Свѣтилось далью близкое окно.

Закатъ расцвѣлъ цвѣткомъ неповторяемымъ,
И цѣлый мѣръ былъ озаренный садъ.
Люблю. Люблю. Путемъ, мечтою чаемымъ,
Иду по днямъ. И не вернусь назадъ.

ВЪ ПОТОКЪ.

Каждый мигъ запечатлѣнный,
Каждый атомъ Вещества,
Въ этой жизни вѣчно плѣнной,
Тайно просится въ слова.

Мысль подвигнута любовью,
Жизнь затеплилась въ любви,
Ветхій вѣкъ одѣлся новью,
Хочешь ласкъ моихъ,—зови.

Я приду къ тебѣ вѣнчаный
Всею тайной Вещества,
Вспыхнетъ пламень первозданный,
Сквозь давнишнія слова.

Что бы ты мнѣ ни сказала,
Если я къ тебѣ приникъ,
Въ пѣнѣ полного бокала
Будетъ первой страсти вскрикъ.

Что бы я тебѣ, вскипая,
Жаднымъ сердцемъ ни шепнулъ,
Это—сказка міровая,
Это—звѣздъ поющій гуль.

И какъ будто не погасли
Много разъ костры планетъ,
Мы стихомъ восхвалимъ ясли,
Славя Новый нашъ Завѣтъ.

И какъ будто въ самомъ дѣлѣ
Въ мірѣ любятъ въ первый разъ,
На дѣвической постели
Вспыхнетъ пламень щекъ и глазъ.

И какъ будто Фараону
Не являла страсть сестра,
Сердце къ сердцу, лоно къ лону,
Мы шепнемъ себѣ: „Пора!“

Точно такъ же, точно то же,
Будетъ новымъ потому,
Что сокровищъ всѣхъ дороже
Та она тому ему.

И столѣтья замыкая,
Поглядятъ зрочки въ зрочки,

Та же сказка, и другая, и другая,
Нескончаемой Рѣки.

И не буду, и не стану
Я гадать, что дальше тамъ,—
Вспыхнувъ каплей, Океану
Все свое, вскипѣвъ, отдамъ.

ПОДЪ ДЕРЕВОМЪ.

Я сидѣлъ подъ Деревомъ Зеленымъ,
Это Ясень, ясный Ясень былъ.
Вешній вѣтеръ шель по горнымъ склонамъ,
Крупный дождь онъ каплями дробиль.

Я смотрѣлъ въ прозрачную криницу,
Глубь пронзаль, не достигая дна.
Дождь прошелъ, я сердцемъ слушалъ птицу,
Съ птицей въ вѣткахъ пѣла тишина.

Я искалъ Загадкѣ—разрѣшенья,
Я дождался звѣздъ на высотѣ,
Но въ душѣ, какъ въ вѣткахъ, только пѣнье,
Листъ къ листу, и звукъ мечты къ мечтѣ.

Ясень былъ серебряный, нехмурый,
Добрый весь съ зари и до зари,
Но съ звѣздой—колонной темнобурой
Стволь его одѣлся въ янтари.

И пока звѣзда съ зарей боролась,
И дружины звѣздъ, дрожа, росли,
Пѣлъ успокоительный мнѣ голосъ,
Въ сердцаѣ, здѣсь, и въ Небѣ, тамъ вдали.

И вершину Ясеня вѣнчая,
Сонмы нѣжныхъ маленькихъ цвѣтковъ
Уходили въ Небо вплоть до Рая,
По пути вѣковъ и облаковъ.

КРИСТАЛЛЬ.

1.

Смотря въ нѣмой кристалль, въ которомъ расцвѣтали
Пожары ломкіе оранжевыхъ минутъ,
Весь летаргическій, я тѣломъ медлиль тутъ,
А духъ мой проходилъ внѣвременныя дали.

Вотъ снова объ утесъ я раздробилъ скрижали,
Вотъ башня къ башнѣ шлетъ свой колокольный гудъ.
Вотъ снова гнѣвень Царь, имъ окровавленъ шуть.
Вотъ рѣзкая зурна. И флейты завизжали.

Разбита радуга. И не дойти до дна
Всего горячаго жестокаго сверканья.
Въ расширенныхъ зрачкахъ кострятся содроганья.

Бьетъ полночь въ Городѣ. Ни одного окна,
Въ которомъ черное не млѣло-бъ ожиданье.
И всходитъ надо всѣмъ багряная Луна.

2.

Свѣтлый мальчикъ, быстрый мальчикъ, ликъ его какъ
ликъ камей.

Волосенки—цвѣта Солнца. Онъ бѣжитъ. А сверху—змѣй.

Нить натянута тугая. Путь отъ змѣя до руки.

Путь отъ пальцевъ нѣжно-тонкихъ—въ высь, гдѣ бьются
огоньки.

Взрывы, пляски, разной краски. Вязки красные тона.

Желтый край — какъ свѣтъ святого. Змѣемъ дышетъ
вышина.

Мальчикъ быстрый убѣгаетъ. Тѣнь его бѣжитъ за нимъ.

Змѣй вверху летитъ, сверкая, бѣгомъ нижняго гонимъ.

Тѣнь растетъ. Она огромна. Достигаетъ до небесъ.

Свѣтъ дневной расплавленъ всюду. Обликъ солнечный
исчезъ.

Змѣй летитъ въ зарѣ набатной. Зацѣпилъ за сосну.

Въ лѣсъ излить пожаръ заката. Часъ огня торопитъ
къ сну.

3.

Свѣтляки, свѣтляки, свѣтляки,
 И свѣтлянки, свѣтлянки, свѣтлянки.
 Свѣтляки—на травѣ червяки,
 И свѣтлянки—летучки—обманки.
 Свѣтляковъ, свѣтляковъ напорочъ,
 И свѣтлянокъ, свѣтлянокъ возжаждай.
 Будешь жить всю Иванову ночь,
 Быть живымъ такъ сумѣть не каждый.
 Свѣтляки, свѣтляки, свѣтляки,
 И свѣтлянки, свѣтлянки, свѣтлянки.
 О, какая безбрежность тоски.
 Если-бъ зиму, и волю, и санки.
 Я скользилъ бы въ затишьи снѣговъ,
 И полозья такъ звонко бы пѣли,
 Чтобъ навѣкъ мнѣ забыть свѣтляковъ,
 И свѣтлянки бы мучить не смѣли.

Свѣтъ и мѣлкость, бѣсы и мѣлкость, иль что еще
Волна—иль что Свѣтъ, иль бѣсы, иль что—иль что
Иль что мѣлкость, иль что мѣлкость, иль что мѣлкость
Путь, отъ мѣлкости, иль что мѣлкость, иль что мѣлкость

И падалъ снѣгъ. Упали милліоны
Застывшихъ сновъ, снѣжинками высотъ.
Отъ звѣздъ къ звѣздѣ идутъ волнами звоны,
Лишь бѣлый цвѣтъ въ текущемъ не пройдетъ.
Лишь бѣлый свѣтъ идетъ Дорогой Млечной,
Лишь бѣлый цвѣтъ—нагорнаго цвѣтка,
Лишь бѣлый страхъ—въ Пустынѣ безконечной,
Лишь въ бѣломъ снѣ пойметъ покой Рѣка.

СВИСТЬ.

Жужжащій тонкій свистъ слѣпня,
 То сказка зноя въ звенящихъ крыльяхъ.
Шуршанье шаткаго огня,
 То пляска вспышекъ въ ихъ изобильяхъ.
Свистъ крыльевъ сокола въ вѣтрахъ,
 Когда за быстрой онъ мчится цаплей,
Несхожъ со свистомъ буръ въ горахъ,
 Что сѣютъ каплю за свѣтлой каплей.
И свистъ есть въ старомъ тростникѣ,
 То Ночь бормочетъ, свой саванъ свѣя,
И свистъ есть снѣга вдалькѣ,
 То Смерть, вся въ сѣромъ, скользить, бѣля.
Изъ еле слышимыхъ частицъ,
 Изъ крошекъ звука тотъ шелестъ-шопоть,
Но мастодонтъ упалъ въ немъ ницъ,
 Всѣхъ грузныхъ чудищъ въ немъ замеръ топоть.
Тотъ свистъ, тотъ посвистъ тайныхъ струнъ,
 Что тоньше тканей изъ паутины,—
Придетъ! Киши, пока ты юнъ!
 Чась приготовить снѣга и льдины!

ВОПЛЬ КЪ ВѢТРУ.

Суровый Вѣтръ, страны моей родной,
Гудящій Вѣтръ средь сосенъ многозвонныхъ,
Поющій Вѣтръ межъ пропастей бездонныхъ,
Летащій Вѣтръ безбрежности степной.

Хранитель вербъ свирѣльною весной,
Внушитель сновъ въ тоскѣ ночей безсонныхъ,
Склизитель думъ и пѣсенъ похоронныхъ,
Шуршащій Вѣтръ, услышь меня, я твой.

Возьми меня, развѣй, какъ снѣгъ мятельный,
Мой духъ, считая зимы, посѣдѣль,
Мой духъ пропѣлъ весь полдень свой свирѣльный.

Мой духъ усталъ отъ словъ и сновъ и дѣлъ.
Всевластный Вѣтръ пустыни безпредѣльной,
Возьми меня въ послѣдній свой предѣлъ.

САВАНЫ.

Эти саваны, саваны! Эти сѣрые, сѣрые!

Или золота въ небѣ нѣтъ?

И опять, истомившійся, всѣ узнаю пещеры я,

Но, пронзивъ ихъ извивъ, не зажгу златоцвѣтъ?

Эти съ неба схождения! Эти дымныя лѣстницы!

Отъ костровъ до слѣпой черты.

Гдѣ же мысли вѣчальныя? Гдѣ мои зоревѣстницы?

Настигаетъ меня водопадъ темноты.

Устелилась заоблачность вся какъ волчьими шкурами.

О, пронзи ихъ, нѣжнѣйшій серпъ!

Вознесись Полумѣсяцемъ надъ порогами хмурыми,

Дай узнать мнѣ восторгъ воскресающихъ вербъ.

НЕСЧАСТІЕ.

Несчастье стоит, а жизнь всегда идет,
Несчастье стоит, но человек уходит.
И мрак пускай снует и каждый вечер бродит,
Съ минувшимъ горестнымъ мы можемъ кончить счетъ.

Смотри, пчела звенитъ, пчела готовить медъ,
И стая ласточекъ свой праздникъ хороводитъ,
Въ любомъ движеніи числѣ нашъ умъ итоги сводитъ,
Что было въ чередѣ, да знаетъ свой чередъ.

Не возвращаться же намъ въ цѣломъ алфавитѣ
Лишь къ буквѣ, лишь къ одной, лишь къ слову одному.
Я вѣрую въ Судьбу, что свѣтъ дала и тьму.

О, въ черномъ бархатѣ, но также въ звѣздной свитѣ,
Проходитъ въ высотѣ медлительная ночь.
Дай сердцу отдохнуть. И ходъ вещей упрочь.

ЗОЛОТИСТЫМЪ АМЕТИСТОМЪ.

Золотистымъ аметистомъ,
Словно выжженное блюдо,
Раскалившаяся мѣдь,
Расцвѣченнымъ, пламенистымъ,
Золотистымъ аметистомъ,
Но съ отгѣнкомъ изумруда,
Съ успокоенной зарею,
Отдыхъ давъ себѣ и зною,
Дышетъ дремлющее Море,
Полюбившее не въ спорѣ,
А въ великомъ разговорѣ,
Въ грани дымныя гремѣть.

ВЪ ТИХОМЪ ЗАЛИВѢ.

Въ тихомъ заливѣ чуть слышные всплески,
Здѣсь не колдуеть приливъ и отливъ.
Сонно жужжать здѣсь и пчелки и оски,
Травы цвѣтуть, заходя за обрывъ.

Птица ли сядетъ на выступъ уклонный,
Вспугнута, камень уронить съ высотъ.
Камешекъ булькнетъ, и влагѣ той сонной
Вѣсть о паденьи кругами пошлетъ.

ВЕЧЕРНІЙ ВѢТЕРЪ.

Вечерній вѣтеръ легко провѣялъ—въ отдаленіи.
Въ лѣсу былъ лепетъ, въ лѣсу былъ шопотъ, всѣ листья
въ пѣніи.

Вечерній вѣтеръ качнулъ вѣтвями серебристыми.
И было видно, какъ кто-то дышетъ кустами мглистыми.

И было видно, и было слышно—упоительно,
Какъ сумракъ шепчетъ, какъ Ночь подходитъ, идя
медлительно.

АЛЫЧА.

Цвѣтокъ тысячекратный, древо-цвѣтъ,
Безъ листьевъ сонмъ расцвѣговъ бѣлоснѣжныхъ,
Несчетнолепестковый блѣдносвѣтъ,
Рой мотыльковъ, застывшихъ, лунныхъ, нѣжныхъ,—

Подъ пламенемъ полдневнаго луча,
На склонѣ горъ, увѣчанныхъ свѣтами,
Блѣдетъ надъ Курюю алыча,
Всю Грузію окутала цвѣтами.

СКАЖИТЕ ВЫ.

Скажите вы, которые горѣли,
Сгорали, и сгорѣли, полюбивъ, —
Вы, видѣвшіе Солнце съ колыбели,
Вы, въ чьихъ сердцахъ горячій пламень живъ, —

Вы, чей языкъ и страненъ и красивъ,
Вы, знающіе строки Руставели, —
Скажите, какъ мнѣ быть? Я весь — порывъ,
Я весь — обрывъ, и я — иѣжитѣй свирѣли.

Мнѣ тоже въ сердце вдругъ вошло копьё,
И знаю я, любовь постигнуть трудно.
Вотъ, вдругъ пришла. Пусть все возьметъ мое.

Пусть сдѣлаю, что будетъ безразсудно.
Но пусть безумье будетъ обоюдно.
Хочу. Горю. Молюсь. Люблю ее.

ТАМАРЬ.

Я встрѣтился съ тобой на радостной дорогѣ,
Ведущей къ счастью. Но былъ ужь поздній часъ.
И были пламенны и богомольно-строги
Изгибы губъ твоихъ и зовы черныхъ глазъ.

Я полюбилъ тебя. Чуть встрѣтя. Въ первый часъ.
О, въ первый мигъ. Ты встала на порогъ.
Мнѣ бросила цвѣты. И въ этомъ былъ рассказъ,
Что ты ждала того, чего желаютъ боги.

Ты показала мнѣ скрывавшійся пожаръ.
Ты приоткрыла мнѣ таинственную дверцу.
Ты искру бросила отъ сердца прямо къ сердцу.

И я несу тебѣ горѣніе—какъ даръ.
Ты, Солнцемъ вспыхнувши, зажглась единовѣрцу.
Я полюбилъ тебя, красивая Тамарь.

ГРУЗИЯ.

О, Маконе! Цѣлуй, цѣлуй меня!
Дочь Грузіи, твой поцѣлуй—блаженство.
Взоръ черныхъ глазъ, исполненныхъ огня,
Горячность серны, барса, и коня,
И голосъ твой, что ворожить, звеня,—
На всемъ печать и четкость совершенства.
Въ красивую изъ творческихъ минутъ,
Рука Его, рука Нечеловѣка,
Согнувъ гранитъ, какъ гнется тонкій прутьъ,
Взнесла узоръ побѣднаго Казбека.
Вверху—снѣга, внизу—цвѣты цвѣтуть.
Ты хочешь Бога. Восходи. Онъ тутъ.
Лишь вознесись—взнесеніемъ орлинымъ.
Надъ пропастью сверкаетъ вышина,
Незримый храмъ бѣлѣетъ по вершинамъ.
Здѣсь ворожатъ, въ изломахъ, письмена
Взнесенно запредѣльнаго Корана.
Когда въ долинахъ спятъ, здѣсь рано-рано

Улыбка Солнца скрытаго видна.
Глядитъ Казбекъ. У ногъ его—Свѣтлана,
Спитъ Грузія, священная страна,
Отдавшая пришельцамъ, имъ, равниннымъ,
Высокій взмахъ своихъ родимыхъ горъ,
Чтобы у нихъ, въ ихъ бытїи пустынномъ,
И плоскомъ, но великомъ, словно хоръ
Разливныхъ водъ, предѣльный былъ упоръ,
Чтобы хребетъ могучій всталъ, бѣлѣя,
У сильнаго безобразнаго Змѣя.
Но да поймутъ, что есть священный Змѣй,
И есть змѣя, что жалится, воруя.
Да не таитъ же сильный Чародѣй
Предательство въ обрядѣ поцѣлуя.
О, Грузія жива, жива, жива!
Поетъ Арагва, звучно вторитъ Терекъ.
Я слышу эти вѣрныя слова.
Зачѣмъ же, точно горькая трава,
Которой зыбь морская бьетъ о берегъ,
Тѣ мертвые, что горды слѣпотой,
Приходятъ въ край, гдѣ все любви достойно,
Гдѣ жизнь людей озарена мечтой.
Кто входитъ въ храмъ, да чувствуетъ онъ стройно.
Мститъ Красота, будь зорокъ съ Красотой.
Я возглашаю словомъ заклинанья:—
Высокому—высокое вниманье.
И если сиѣжно дремлетъ высота,

Она умѣетъ молніей и громомъ
Играть по вѣковымъ своимъ изломамъ.
И первые здѣсь Рыцари Креста,
Поэму жертвы, всѣмъ ея объемомъ,
Въ себя внѣдривъ, пропѣли, что Казбекъ
Не тщетно полонъ грозь, изъ вѣка въ вѣкъ!

ДРЕВНІЙ ПЕРСТЕНЬ.

Въ ночахъ есть чара искони,
Издrevле любятся впотьмахъ.
Закрой глаза. Усни. Усни.
Забудь, что въ мiрѣ дышетъ страхъ.

Я древній перстень снялъ съ перста,
Имъ мысль скрѣпляю какъ вѣнцомъ.
Ужь ты не та. Не та. Не та.
Мы вмѣстѣ скованы кольцомъ.

Мерцаетъ въ перстиѣ халцедонъ,
И холодѣешь ты во снѣ.
Въ тебѣ чуть внятнѣй звѣзднѣй звонъ.
Предъйся мнѣ. Лишь мнѣ. Лишь мнѣ.

Завѣтнѣй камень волкоокъ,
Въ себя вобралъ всю власть Луны.
Люби. Люби. Твой сонъ глубокъ.
Люби. Мы всѣ любить должны.

СКВОЗЬ СЛѢПОТУ.

Тамъ, гдѣ тѣла—колдующій уборъ
И многократность долгаго наслѣдства,
Не можетъ быть вполнѣ невиннымъ дѣтство,
И бездну безднѣ таить дѣвичій взоръ.

Смотри, есть безконечный разговоръ
Земли съ Луною, въ силу ихъ сосѣдства,
И мы всегда ведемъ, отъ малолѣтства,
Съ земнымъ минувшимъ многосложный споръ.

Шепча „Люблю“, мы хищники лѣсные,
За милой мы слѣдимъ изъ-за куста,
Любя, мы словно любимъ не впервые.

Любовь—война. Любовь есть слѣпота,
Въ которой вдругъ вскрывается прозрѣнье,
Огонь зари времянь миротворенья.

ВЕРХОВНЫЙ ЗВУКЪ.

Когда, провизгнувъ, дротикъ вздрогнетъ въ барсѣ,
Порвавши сновидѣнье наяву,
И алый пламень крови жжетъ траву,
Я помню, что всегда пожаръ на Марсѣ.

Въ Индусѣ, въ Мексиканцѣ, въ Кельтѣ, въ Парсѣ,
Въ ихъ вскрикахъ и воззваньяхъ къ Божеству,
Я вижу брата, съ нимъ въ огнѣ плыву,
И Элинъ онъ, онъ—пѣснь, чье имя—Марсій.

Напрасно мыслилъ рдяный Аполлонъ
Свести къ струнѣ—что хочетъ жить въ свирѣли,
Въ Пивѣйскихъ играхъ это мы прозрѣли.

И если любимъ звѣздный небосклонъ,
Мы любимъ вихри звѣздъ въ ночной мятели,
И мигъ верховный—въ нашей страсти—стонъ.

ЗОВЫ.

Есть синій пламень въ тлѣющей гнилушкѣ,
И скрытность красныхъ брызгъ въ нѣмомъ кремнѣ,
Огни и звуки разны въ тишинѣ,
Есть мѣдь струны, и мѣдь церковной кружки.

„На бой! На бой!“ грохочутъ эхомъ пушки.

„Убей! Убей!“ проходитъ по Войнѣ.

„Усни! Усни!“ звенить сосна къ соснѣ.

„Люби! Люби!“ чуть слышно на опушкѣ.

„Ау!“ кричу, затерянный въ лѣсахъ.

„Ау!“ въ отвѣтъ кричитъ душа родная.

„Молись! Молись!“ глубокой шепчетъ страхъ.

Я звукъ. Я слухъ. Я глазъ. Я мысль двойная.

Я жизнь и смерть. Я тишь. Я громъ въ горахъ.

И тѣнь бѣжить, меня перегоняя.

ОРХИДЕЯ ТИГРИНАЯ.

Въ закрывѣ, въ скровѣ, пламень безглагольный,
Дню не молясь, обуглится до тла,
Перегоритъ, вдали отъ пѣсни вольной.

Въ тюрьмѣ лишь отъ угла и до угла
Весь путь того, къ кому черезъ рѣшотку
Глядитъ Луна, а больше смотритъ мгла.

При встрѣчѣ долженъ издали трещотку
Чумной завихрить пѣсней кастаньетъ,
Проказа—чу!—за четкой нижесть четку.

Въ безуміи страшить любой предметъ.
Я въ мірѣ сплю и чую орхидею,
На стволь чужой, смѣясь, ползеть расцвѣтъ.

Я вижу все. И разумомъ сѣдью.

СГЛАЗЪ.

„...Люди съ лицами вороновъ...“
Халдейская Таблица.

1.

Чуть гдѣ онъ всталъ,—вдругъ смѣхъ и говоръ тише.
Безъ рукъ, безъ ногъ пришелъ онъ въ этотъ міръ.
Пріязные его—лишь птицы дыръ,
Чье логово—среди расщелинь крыши.

Летучія они зовутся мыши,
И смерти Солнца ждуть: Мигъ тьмы—имъ пиръ.
Но чаще онъ—невидимый вампиръ,
И стережетъ—хотя-бъ въ церковной нишѣ.

Пройдешь,—не предувѣдомленъ ничѣмъ,—
Вдругъ на тебя покровъ падеть тяжелый,
И съ милыми ты будешь глухъ и иѣмъ.

Войдетъ незримъ,—и домъ твой сталъ не тѣмъ.
Недоумѣнъ, твой духъ сталъ зябкій, голый.
Онъ въ міръ пришелъ—самъ не узналъ зачѣмъ.

2.

А если въ томъ, что вотъ я пью и ѣмъ,
 Хочу, стремлюсь, свершаю въ дняхъ стяжанье,
 Сокрыть отвѣтъ на голосъ вопрошанья?
 Я созидаю зубъ, и клыкъ, и шлемъ,—

Бѣсовскій плащъ, и пламень діадемъ
 Верховныхъ духовъ,—весь вхожу въ дрожанье
 Скрипичныхъ струнъ, въ гудѣнье и жужжанье
 Церковныхъ звоновъ,—становлюсь я всѣмъ.

А если всѣмъ, тогда и крикомъ, стономъ
 Убитыхъ жертвъ, змѣей, хамелеономъ,
 Любой запѣвкой въ перепѣвахъ лиръ.

И не сильнѣй ли всѣхъ огней алмаза
 Законность притяженья въ чарѣ глаза,
 Когда скользятъ беззвучно птицы дыръ?

ЧЕРНОЕ ЗЕЛЬЕ.

Черное зелье въ лѣсу расцвѣло,

Клонится бѣлый прикрыть.

Волчьи глаза засмѣялись свѣтло,

Сонъ не одинъ догоритъ.

Кто-то зачѣмъ-то болотомъ идетъ,

Кто-то ползеть изъ норы.

Два полудуха, сдержавши полетъ,

Съ вѣдьмой играютъ въ шары.

Шаръ упадетъ, загорится гроза,

Дьявольскій свѣтится кустъ.

Ягоды—точно слѣпые глаза,

Воздухъ кругомъ него густъ.

ЧЕРНОКНИЖІЕ.

Едва качнуль онъ лѣвою рукой.
Взглядъ косвенный зеленыхъ глазъ былъ острый.
Нарядъ его Восточно дорогой

Былъ змѣевидный и двуцвѣтно-пестрый.
Чуть правую ногою протопотавъ,
Онъ тихо вскрикнуль: „Сестры! Сестры! Сестры!“

И вотъ явились. Женщина-Удавъ,
Дѣвица-Клинъ, и Старое Долбило.
Всѣ три въ вѣнцахъ изъ чернобыльныхъ травъ.

Не расскажу всего, что дальше было.
Заклятіе изъ трехъ старинныхъ словъ
Шепнувъ, двуцвѣтный взялъ свое кропило.

Сгустились громы въ дымъ облаковъ.
Пришелицъ обнялъ онъ поочередно,
И звонъ возникъ тринадцати часовъ.

Весной никакъ нельзя любить бесплодно.
И полной стала Женщина-Удавъ,
Въ ней десять лунъ мелькали хороводно.

Дѣвица-Клинь, чтобъ оправдать свой нравъ,
Хрусталь стола толкнула и разбила,
И радуга зажглась въ вѣнцахъ изъ травъ.

Объемной пастью Старое Долбило
Излила кровь, и мракъ сталъ грязно-алъ.
Въ громахъ явилось новое страшило.

И мѣрь увязъ въ несчетности зеркаль.

ПОМѢСТЬЕ.

Знаю я старинное помѣстье.
Три хозяйки въ немъ, одинъ Хозяинъ,
Видъ построекъ тамъ необычаенъ,
И на всемъ лежитъ печать безчестья.

На конюшнѣ нѣтъ коней, а совы,
По хлѣвамъ закованные люди,
Ихъ глаза закрыты словно въ чудѣ,
На тѣлахъ кровавые покровы.

Никогда здѣсь нѣтъ сіянья Солнца,
Здѣсь не слышенъ голосъ человѣчій.
Сальныя, заплывши, смотрятъ свѣчи
Сквозь кружокъ чердачнаго оконца.

На сто верстъ идутъ глухіе боры,
Не пробьется въ чащѣ даже буря.
Лѣшій, бровь зеленую нахмуря,
Самъ съ собой заводитъ разговоры.

Покрахтитъ, подумаетъ, и ухнетъ,
Поглядитъ, и свалитъ дубъ широкій.

А въ дому Хозяинъ сѣдоокій
Вмигъ бадью въ колодець старый рухнетъ.

Зачерпнетъ внизу воды зацѣтшей,
На земь головастиковъ уронить,
И какъ будто что-то похоронить,
И вздохнетъ о радости прошедшей.

Вдругъ ухватить младшую хозяйку
Весь нелѣпый, взбалмошный Хозяинъ,
Въ мигъ возрожденъ и чрезвычайенъ,
И велитъ играть съ собою въ свайку.

Старья опять краснѣютъ губы,
Свайка замыкается въ колечко,
Тѣнь встаетъ уродца-человѣчка.
Ахъ, въ помѣстьи игры жутко-грубы.

И пойдетъ по гульбищамъ древеснымъ,
Поползетъ по зарослямъ сплетеннымъ
Гуль существо, какъ будто звономъ соннымъ
Возстонавъ о чемъ-то неизвѣстномъ.

Заскрипятъ по всѣмъ хлѣвамъ засовы,
И съ тремя хозяйками Хозяинъ,
Хоть молчить, но видомъ краснобаенъ,
И въ шуршаньяхъ красные покровы.

ПРЕДѢЛЬ.

Скрипъ половицы,
Ночью безсонной,
Въ домѣ пустомъ.
Въ памяти звонной
Тлѣютъ страницы,
Томъ догорѣль.

Мысль увидала
Тлѣніе крыши,
Рухнетъ весь домъ.
Зубы у мыши
Остры какъ жало.
Это — предѣль.

ИЗЪ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Она пришла ко мнѣ изъ подземелья,
Ничѣмъ изъ міра сновъ не смущена,
Всегда пьяна, безъ тяжести похмѣлья.

И прошипѣла: Я твоя жена.
Я посмотрѣлъ съ глубокимъ отвращеньемъ,
Не вѣря въ то, что молвила она.

Она, монмъ не тронувшись смущеньемъ,
Приблизилась и подступила вплоть,
Вѣдовскимъ отдаваясь превращеньямъ.

Ихъ дважды видѣть—сохрани Господь.
То грузный червь, то злая обезьяна,
То ликъ Яги, то вздувшаяся плотъ.

Она вставала бѣсомъ изъ тумана,
Съ глазами на затылкѣ, а къ челу
Двѣ лампочки придрѣлавъ для обмана.

Вдругъ раздвоясь, кружилась на полу,
Дрались другъ съ другомъ эти половины,
И обѣ выдыхали чадъ и мглу.

Изливши кровь, казала ликъ ослиный,
И пожирала розы безъ конца,
Дудѣла въ трубку, била въ тамбурины.

Закрывъ всю стѣну шкурою лица,
Разъявъ ее на мерзостныхъ распяльцахъ,
Изъ череповъ два сдѣлала вѣнца.

Перстнями гады съежились на пальцахъ,
Въ глазныхъ щеляхъ, въ лоханкѣ ихъ двойной,
Плясали мухи, словно въ узкихъ зальцахъ.

Я понялъ, что обвинчанъ я съ Войной.

ВИХРИ.

Въ вѣдовскій часъ тринадцати часовъ,
Когда несутся оборотни-стриги,
Я увидаль, что буквы Древней Книги
Налившіяся ягоды лѣсовъ.

Нависли кровью вихри голосовъ,
Звенѣли краснымъ бѣшеные миги,
Перековались въ острый ножъ вериги,
Ворвались въ ночь семь милліоновъ псовъ.

А въ это время мученики-люди,
Семь милліоновъ страждущихъ людей,
Другъ съ другомъ бились въ непостижномъ чудѣ.

Закрывъ глаза, раскрывъ для вихрей груди,
Неслись, и каждый, въ розни вражьихъ силъ,
Одно и то же въ смерти говорилъ.

ЗЕЛЬЯ.

Я знаю много ворожащихъ зелей.
Есть вѣдьминъ глазъ, похожій на луну,
Общипанную въ дикій часъ веселій.

Есть одурь, что къ густому клонить сну,
Какъ сусло, какъ болотная увяза,
Гдѣ, утопая, не приходишь къ дну.

Есть лихосмѣхъ, въ его цвѣткахъ проказа.
Есть волчій вздохъ. Есть заячій ознобъ.
Рябины бусы хороши отъ сглаза.

Для сглаза же отрыть полезно гробъ,
Въ могилѣ, гдѣ положена колдунья,
И щепку въ овсяной протиснуть снопъ.

Ту гробовую щепку, въ Новолунье,
Посѣй въ лугахъ, прибавь чуть-чуть огня,
Взростеть трава, которой имя лунья.

Падежь скота, оскаль зубовъ коня,
Дыбъ лошадиный, это все сестрица
Травинки той, что свѣтъ не любить дня.

Вотъ конница, всѣ кони легче птицы,
Но только лгуны поѣдятъ въ лугахъ,
Бѣгутъ вразбродъ и ржутъ ихъ вереницы.

Изъ тысячъ конскихъ глотокъ воетъ страхъ,
Подковы дрябнуть, ноги охромѣли,
Оскаль зубовъ—какъ ранній свѣтъ въ горахъ.

Я знаю много, очень много зелей.

ЗАГОВОРЪ О КОНЯХЪ.

Глубокій слѣдъ. Пробитый слѣдъ. Округлый слѣдъ коня.
Въ игрѣ побѣдъ мнѣ дорогъ слѣдъ. Завѣтъ въ немъ для
меня.

Возьму струю. Въ него пролью. Возьму струю отравъ.
Гдѣ вихрь погонь? Онъ хромъ, твой конь. Горитъ огонь
межъ травъ.

И сто коней, циклонъ коней, гей, гей, коней твоихъ,
Сгорѣлъ, смотри, въ лучахъ зари. Бери враговъ, мой
стихъ.

БѢГЪ.

Песокъ вскипалъ, За мною мчались Мавры.
Но легкокъ былъ мой черноокой конь,
И въ этой зыби бѣга и погонь
Горѣли мнѣ какъ быстрые кентавры.
Мнѣ чудилось—въ вискахъ гремятъ литавры,
О, кровь моя! Кипи! Колдуй! Трезвонь!
Я мчусь какъ духъ. Лечу какъ вѣдогонь.
Какъ вѣтеръ, въ чьемъ волненьи блещутъ лавры.
Уклонныхъ горъ, кривясь, разъялась пасть,
Во мнѣ не страхъ, а хохоть и веселье.
Во мнѣ полеть и плясъ и вихрь и страсть.
Въ крови коня ликуеть то же зелье.
Лечу. Летимъ. Хоть въ Адъ на новоселье.
Лишь только бѣ въ руки вражьи не попасть!

ЦАРЕВИЧЪ ИЗЪ СКАЗКИ.

Я былъ царевичемъ изъ сказки,
Всѣхъ мимоходомъ могъ любить,
И отъ завязки до развязки
Вель тонко-шелковую нить.

Хотѣлъ громовъ, мнѣ были громы,
Хотѣлъ мечты, плыла Луна,
И въ голубые водоемы
Лилась отъ Бога тишина.

Но, мѣръ по прихоти цѣлуя,
Я встрѣтилъ бѣлаго коня,
Его причудливая сбруя
Вдругъ озадачила меня.

Чтобы горячій звѣрь, который
Огню и бурѣ побратимъ,
Въ такіе былъ одѣтъ уборы,
Онъ, чей порывъ неукротимъ.

Глаза газели, грудь дѣвицы,
И шея лебеда, а хвостъ
Металь июльскія зарницы
И огнепыль падучихъ звѣздъ.

А перепѣвный звонъ подковы,
Обутыхъ въ звукъ руды копыть,
Былъ вѣчно-старый, вѣчно-новый,
Какъ стебель, вставшій изъ-подъ плить.

И на такомъ-то, виѣ закона
И виѣ сравненья, сканунѣ
Кроваво-красная попона
Уродствомъ показалась миѣ.

На этомъ дивѣ превосходства,
Кому межъ звѣздъ была тропа,
Сѣдло являло съ гробомъ сходство,
Подвѣски были черепа.

А кто въ сѣдлѣ, понять нельзя миѣ,
Нельзя миѣ было въ мигъ чудесь:—
Закрывъ глаза, я легъ на камни,
Открылъ глаза, а конь исчезъ.

Лишь перепѣвную подковой
Звенѣлъ онъ гдѣ-то вдаль.

И вотъ ужь ниткою суровой
Сталь тонкій шелкъ въ моей рукѣ.

Ужь не царевичъ я медвяный,
Я бѣдный нищій на пути,
Не знающій, въ какія страны
За подаяніемъ идти.

Мнѣ сказки больше незнакомы,
Лишь греза молится одна,
Чтобъ въ голубые водоемы
Лилась отъ Бога тишина.

УПРЯМЕЦЪ.

Въ былое время аистъ приносилъ
Малютокъ для смѣющихся малютокъ.
Вся жизнь была изъ сказочекъ и шутокъ,
И много было кедра для строилъ.

Курились благовонья изъ кадилъ
Весь круглый годъ въ круговращеньи сутокъ.
Я самъ сложилъ довольно прибаутокъ,
Звенѣлъ для душъ, и медъ и брау пилъ.

А нынѣ что? Въ рычаньи шумовъ ярыхъ
Лишь птицы мести могуъ прилетать.
Душа людей тоскующая мать.

Вся мысль людская въ дымахъ и пожарахъ.
И лишь упрямецъ, все любя зарю,
Съ ребенкомъ я ребенкомъ говорю.

САМОРАЗВѢНЧАННЫЙ.

Онъ былъ одинъ, когда читалъ страницы
Плутарха о герояхъ и богахъ.
Въ Египтѣ, на отлогихъ берегахъ,
Онъ вольнымъ былъ, какъ вольны въ летѣ птицы.

Многоязычны были вереницы
Его враговъ. Онъ далъ имъ вѣдать страхъ.
И, дрогнувъ, страны видѣли размахъ
Того, кто къ Солнцу устремилъ зѣнцы.

Ни женщина, ни другъ, ни мысль, ни страсть
Не отвлекли къ своимъ, къ инымъ уклонамъ
Ту волю, что себѣ была закономъ,—

Осуществляя солнечную власть.
Но, павъ, онъ палъ—какъ только можно пастъ,
Тотъ человекъ, что былъ Наполеономъ.

СОСРЕДОТОЧІЕ.

Мнѣ нравится спокойно говорить,
Тамъ въ сердцѣ средоточье бурь качая,
На сжатые рукъ лишь взглядомъ отвѣчая,
Прося распутать спутанную нить.

Не слишкомъ-ли легко кричать, громить,
Всю тишину, отъ края и до края,
Будя, дробя, волнуя, разрывая,—
Не лучше-ли разъятость единить?

Художникъ любить дѣлать то, что трудно:—
Плотиной сжать свирѣпый ходъ морей,
Пригоршней зеренъ вызвать шумъ стеблей,—

Заставить пыль свѣтиться изумрудно,
Велѣть лѣсамъ, чтобъ пѣли многогудно:—
Не это ли есть волшебство царей?

ДВА БОГА

Тецкатлипока, съ именемъ мудренымъ,
Былъ въ Мексикѣ дразнитель двухъ сторонъ,
Влюбленникъ стрѣль, набѣговъ, оборонъ
И плясокъ боя по обрывнымъ склонамъ.

Съ побѣдой ли, съ тяжелымъ ли урономъ,
Но биться, бить, сражаться, сѣять стонъ,
На лонѣ многократныхъ похоронъ
Быть новыхъ битвъ неистощимымъ лономъ.

Но возлѣ горъ, гдѣ зоркій Нагуатль,
Ацтекъ, взростилъ колючія маген,
Гдѣ кактусы узлять клубки какъ змѣи,—

Вода морей, чье имя нѣжно, Атль,
Поеть, что, расцвѣтившій орхидей,
Красивъ змѣиный богъ Кветцалькоатль.

ПСАЛОМЪ ЗЕМЛИ.

Я слышу, какъ вдали поетъ псаломъ Земли.
И люди думаютъ, что это на опушкѣ
Подъ пѣнье звонкихъ птицъ костерь любви зажгли.
И люди думаютъ—грохочутъ гдѣ-то пушки.
И люди думаютъ, что конница въ пыли
Сметаеъ конницу, и сонмы тѣль легли
Заснуть до новаго рыданія кукушки.
И льнуть слова къ словамъ, входя въ псаломъ Земли.

ИСКРЫ ТАЙНЪ.

Будутъ планеты проходить въ своихъ орбитахъ.
Будетъ комета. И новая Луна.
Полчища маленькихъ раковинъ разбитыхъ
Снова принесетъ намъ океанская волна.

Въ дняхъ измельчить ихъ движенье влаги буйной.
Въ дняхъ измельчить ихъ—ихъ повторный поцѣлуй.
Дни ихъ источать въ той пляскѣ поцѣлуйной.
Вотъ лежать песчинки. Прибрежный вихрь, ликуй.

Въ зыбяхъ песчаныхъ, какъ золотомъ об итыхъ,
Догоранья Моря, мерцаній строй и рядъ,
Грезы предѣльные раковинъ разбитыхъ,
Искры тайнъ подводныхъ въ послѣдній разъ горять.

КЛУБОКЪ.

Я взялъ клубокъ, но не подозрѣвая,
Что будетъ нить прядись сама собой
Въ узоры алый, желтый, голубой.
Клубокъ скользнулъ, въ немъ власть была живая.

И къ нити нить мечтой перевивая,
Закрывъ глаза, стоялъ я какъ слѣпой.
Узоръ къ узору шель на перебой,
Означилась вся повѣсть огневая.

Вдругъ захотѣлъ я отшвырнуть клубокъ,
Но самъ упаль, растерянный, разбитый.
И, вставъ, прочель рѣшенье рдѣвшихъ строкъ:—

Ты окружень неотвратимой свитой,
И будешь прядь, доколѣ, изъ минутъ,
Часы твой праздникъ бѣлый не сплетутъ.

* ЕСЛИ ХОЧЕШЬ.

Если хочешь улыбнуться, улыbnись.
Хоть не хочешь обмануться, обманись.
Хочешь птицей обернуться, прыгай внизъ.
Пропасть съ пропастью на днѣ звеномъ сошлись.

Ты надъ жизнью посмѣешься, весь шутя.
Ты въ Безвѣстность оборвешься, не грустя.
Ты въ Невѣдомомъ проснешься. И хотя
Въ жизни жилъ ты, вновь ты встанешь какъ дитя.

Только, если, самовольство возлюбивъ,
Возмечтавъ, что въ недовольствѣ ты красивъ,
Ты проснешься, заглянувши за обрывъ,
Будешь падать, форму формой замѣнивъ.

Будешь падать. Будешь падать ты. И лишь
Отдохнешь, опять въ паденіи сгоришь.
Вѣкъ за вѣкомъ будешь падать въ громъ и въ тишь.
И на томъ же мѣстѣ то же совершишь.

СОНЪ.

Спустившись внизъ, до влаги я дошелъ.
Вода разъялась предо мной беззвучно,
Какъ будто ей давно ужъ было скучно
Ждать страннаго. Лишь малый произволь
Въ играньи силъ,—сомкнулась влага снова,
Меня отъявъ отъ воздуха земного.
И шелъ я, не дивясь инымъ мірамъ.
Я проходилъ въ томъ бытіи подводномъ,
Смотря, какъ вьются въ танцѣ хороводномъ
Видѣнья сновъ, какъ съ ними вьюсь я самъ.
А надъ громадой водъ ненарушимыхъ
Свѣтила намъ плывущая Луна.
И я узналъ, скользя въ сквозистыхъ дымахъ,
Что тѣнь любимой мнѣ всегда вѣрна,
Узналъ, что въ безднѣ дней неизслѣдимыхъ
Душѣ поможетъ жить любовь одна.

ПЛИТА.

Нѣмая вѣтви сонъ мой закачали,
Цвѣтами доходя изъ темноты,
Кажденіемъ изъ дыма и печали,—

Видѣніемъ изъ дальнихъ дней, гдѣ ты,
Куда ужъ больше досягнуть нельзя миѣ,
Гдѣ я съ тобой лишь въ зеркалѣ мечты,—

Безвѣстный знакъ на придорожномъ камнѣ.

МОЙРЫ.

Ты вела меня спокойно. Ты вела и улыбалась.

Уходила, усмѣхаясь, въ неизвѣстныя поля.

На краю пути былинка еле зрится сгибалась.

Вѣтерокъ неуловимый рѣялъ, прахомъ шелестя.

Я оставилъ домъ родимый, гумна, мельницу, амбары,

Золотыя сгроможденья полнолѣснаго зерна.

Всѣ отъ раннихъ миговъ дѣтства сердцу вѣдомыя чары,

Вотъ за мной зима и осень, юность, лѣто, и весна.

Предо мной единодневность, вѣкъ привычныхъ сдвиговъ
года.

Вѣкъ закона тяготѣнья по землѣ иду легко.

Но не радуешь сознанье совершенная природа,

Ухо ловить звуки пѣнья, тамъ, родного, далеко.

Пѣснопѣнья успенья, равномерный звонъ кадила,

Воплощался въ цвѣтъ лиловый благовонный ѳиміамъ.

И полянами фіалокъ ты беззвучно уходила,

И потокомъ водопаднымъ свѣтъ лился по сторонамъ.

Но предъ страннымъ косогоромъ я застылъ въ недвижномъ
страхѣ:—

Вотъ, такія, какъ и снились, ткуть, прядутъ, число
ихъ три.

Это Норны, это Мойры, это Парки, Пряхи, Пряхи,
Это Судьбы, Суденицы, на пожарищахъ зари.
Замыслительницы роковъ, и ваятельницы далей,
Восприемницы-ткачихи волоконца безъ конца,
Въ угаданіяхъ зачатій, приговорщицы ордалій,
Испытующія чувствомъ воспаленныя сердца.
Очи юны, кудри стары, нити, нити, пряжа, пряжа,
Ткань нисходитъ океаномъ, въ каждой каплѣ есть
зрачокъ.
Смотригь пѣна, смотрять волны, и въ высокомъ небѣ
даже
Вмѣсто Солнца глазъ глядящій, блѣдный Мѣсяць—
блѣдный Рокъ.
Безграничная всезрящестъ, всеобъемность шаткой ткани,
Облекла мое сознанье въ многоликій душный склепъ.
И опять мнѣ захотѣлось быть въ незнаньи, быть въ
обманѣ,
И, склонясь предъ младшей Мойрой, я, закрывъ
глаза, ослѣплъ.
А когда глаза раскрылись, чья-то тѣнь ушла безшумно,
И дрожащими руками тщетно я искалъ тебя.
Я подь ивою плакучей. Вижу садъ, амбары, гумна.
Зыбко вижу и не вижу, какъ мнѣ жить, Любовь
любя.

ДОВѢРІЕ.

Когда я думаю, что страшный ликъ уродца
Былъ первымъ мигомъ здѣсь для Винчи, какъ для всѣхъ,
Я падаю въ провалъ бездоннаго колодца,
А вслѣдъ за мною крикъ и судорожный смѣхъ.

Смѣется надо мной сто тысячъ духовъ страсти,
Которымъ подчинюсь, когда придетъ мой часъ,
Въ болотцѣ посмотрю, какъ вьегся головастикъ,
Уборамъ жизнью всѣхъ косою колдууетъ глазъ.

Мнѣ странно-жутко знать, что даже четки, зерна
Моей любимой ржи, дающей черный хлѣбъ,
Должны искать низинъ, чтобъ въ тлѣніи упорно
Сплести зеленяя взнесенности судьбы.

Но также вѣдаю, что въ золотые слитки
Умѣю перелить землистую руду,
И апокалипсисъ читая въ длинномъ свиткѣ,
Я въ храмъ моей души не сѣтуя иду.

Пахучей миррою, богатымъ духомъ нарда
Восходить ладанъ мой довѣрія къ Судьбѣ.
Кто я, чтобъ лучше быть, чѣмъ былъ здѣсь Лионардо?
Земля родимая, вся мысль моя—тебѣ.

АМА NESCIRI.

Люби не знать, и не звенѣть ничѣмъ.
Ни торжествомъ. Ни именемъ высокимъ.
Ни подвигомъ. Будь лучезарно-нѣмъ.
Ночнымъ будь Небомъ, тихимъ и стоокимъ.
Полднeвнымъ часомъ. Солнечнымъ лучомъ,—
Что видитъ все, не мысля ни о чемъ.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Меня зовутъ отшельникомъ-деидритомъ.
Покинувъ жизнь, гдѣ всюду цѣлко зло,
Замкнулся я въ древесное дупло,
Оно мнѣ стало церковью и скитомъ.

Я здѣсь стою въ молчаньи нарочитомъ,
Торжественномъ. Полсотни лѣтъ прошло.
Смотря на мѣръ, какъ въ дымное стекло,
Я мыслю въ дрѣвѣ, молніей разбитомъ.

Какъ мнѣ назвать его, не знаю я.
Зачѣмъ мнѣ знать названіе пріюта,
Гдѣ здѣшняя моя пройдетъ минута?

Къ дуплу порою приползетъ змѣя,
Двуругимъ языкомъ мелькнетъ по краю.
Молитвою—ее я прогоняю.

УЖЬ ПОЛНО.

И гнался я на поприщахъ гонитвы,
И видѣлъ кровь на остріѣ копыа,
И вѣдалъ радость молвить: „Первый—я“,
И знаю весь размахъ побѣдной битвы.

И въ новыя пускался я ловитвы,
Опять весной я слушалъ соловья,
Но вы, къ кому вся эта рѣчь моя,
Видали ли когда безгласный скитъ вы?

Молитву возлюбивъ какъ благодать,
Всецѣло отрицаясь своеволя,
Ночь тихую избрать себѣ какъ мать.

Уйти. Войти. Пусть въ башню. Пусть въ подполье.
Ужь полно мнѣ скитаться и блуждать.
Я здѣсь свѣча, въ святынѣ богомолья.

ПОДВИЖНАЯ СВѢЧА.

Не обольщусь предъ Богомъ Сатаною,
Мой Богъ есть Богъ, и низокъ Сатана.
Межь мной и адскимъ пламенемъ стѣна,
А пламень мой, мой чистый огонь, удвою.

Не поклонюсь лукавцу Громобою,
Иная Богомъ молнія дана,
Мальстрёмныя воронки есть безъ дна,
И вихри есть съ отрадой дождевою.

Не вовлекусь въ кружащійся мальстрёмъ.
Миѣ шлетъ псалмы мой верховодный громъ.
А если въ ярыхъ пламенахъ основа,—

Я нижніе тѣ пламени скую,
И, какъ свѣчу, я душу мчу мою
Въ рукѣ Архистратига Огневого.

ПРЕВОЗМОГШАЯ.

Хочетъ меня Господь взять отъ этой
жизни. Не подобно тѣлу моему въ не-
чистотѣ одежды возлечь въ нѣдрахъ
матери своей земли.

Боярыня Морозова.

Омывъ свой ликъ, весь обликъ свой тѣлесный,
Я въ бѣлую сорочку облеклась.
И жду, да закруглится должный часъ,
И отойду изъ этой кельи тѣсной.

Нѣтъ, не на басняхъ подвигъ проходилъ,
Нѣтъ, полностью узнала плоть мытарства.
Но, восхотѣвъ небеснаго боярства,
Я жизнь сожгла, какъ ладанъ для кадилъ.

Отъ нищихъ, юродивыхъ, прокаженныхъ,
Не тѣхъ, кто здѣсь въ нарядной лѣпотѣ,
Отъ гнойныхъ, но родимыхъ во Христѣ,
Я научалась радости сожженныхъ.

И пламень свѣчь въ моемъ дому не гасъ.
Не медлила я въ пышныхъ вереницахъ.
Но сиротамъ витать въ моихъ ложницахъ
Возможно было каждый мигъ и часъ.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,
Къ Кому всю роспись дѣла моего
Вотъ-вотъ снесу, какъ чаю я и чую.

За должное сложеніе перстовъ,
За вѣрное несломанное слово,
Мнѣ ярость огнепальная царева
Какъ свѣтъ, чтобъ четко видѣть путь Христовъ.

Въ вѣкахъ возникши правильной обѣдой,
Здѣсь въ земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу черезъ тьму,
И я уже не та въ свой часъ послѣдній.

Минуты службы полностью прошли.
Въ острогъ, и обернута рогожей,
Зарыта буду я. О, Сыне Божій!
Ты дашь мнѣ встать изъ матери-земли.

СВЯТЫЙ БОЖЕ.

Святыи Боже,
Святыи крѣпкій,
Святыи безсмертныи,
Помилуй насъ.
Трисвятая
Эта пѣсня
Душѣ явилась
Въ великій часъ.
Тамъ, въ Царьградѣ,
Въ часъ, какъ съ Прокломъ
Толпа молилась,
Земля тряслась.
Юный отрокъ,
Духомъ чистымъ,
Вознесся къ Небу,
И слышалъ гласъ.
Святыи Боже,
Святыи крѣпкій,
Святыи безсмертныи,
Помилуй насъ.

Въ Небѣ ангель
Пѣлъ съ другими,
Сіяли хоры,
Горѣлъ алмазь.
Юный отрокъ
Всѣмъ повѣдалъ
И пѣснь отвѣтно
Съ земли неслась.
Чуть пропѣли,
Стало тихо,
Земля окрѣпла
Въ великій часъ.
Святой Боже,
Святой крѣпкій,
Святой безсмертный,
Помилуй насъ.

МОЛИТВА КАЖДАГО ДНЯ.

Миѣ дорого простое сочетанье
Немногихъ словъ и крѣпкая ихъ вязь,
Гдѣ тонетъ грѣхъ, безсилѣетъ страданье,
И гдѣ невластенъ Бездны темный Князь.

Благодарю Тебя, Великій, Сильный,
Дремавшій на тонувшемъ кораблѣ,
Меня понявшій въ часъ мой самый пыльный,
Меня принявшій, бывшаго во злѣ.

Насущный хлѣбъ я каждый день имѣю,
И день есть дней, со звономъ брачныхъ чашъ.
Мечта Господня. Какъ легко миѣ съ нею.
Я каждый день читаю Отче Нашъ,

БѢЛОЕ ВѢЯНІЕ.

Кто, бѣлый, тамъ идетъ отъ насъ?
Проблаговѣстилъ звѣздный часъ.
И Мать ушла, Ушелъ Отецъ.
На немъ, на ней—одинъ вѣнецъ.

Уходить въ небо ликъ снопа.
Сквозь вечеръ слышенъ стукъ цѣпа.
Зерно къ зерну, молотить цѣпъ.
Посѣвъ и жатва—путь судьбъ.

Какъ нѣженъ этотъ духъ тепла.
Овинъ. Гумно. Луна взошла.
Благословенье, Свѣтлымъ, вамъ,
Что къ вышнимъ отошли полямъ.

НѢТЬ МѢСТА ТРЕВОГЪ.

НѢть мѣста тревогъ. НѢть мѣста унынію.
Коль самъ въ Мірозданьи ты создалъ себя,
Взгляни же въ Бездонность, въ ту звѣздную, синюю,
И вѣрь въ свое сердце, свой подвигъ любя.
А если ты созданъ Другимъ, кто въ Безбрежности
Далъ капль отдѣльности, а самъ—Океанъ,
Постигни, какой же исполненъ Онъ нѣжности,
Давъ къ правдѣ вернуться, пройдя чрезъ обманъ.

ПРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Два счастья, два тягучія страданья,
Рожденье и паденіе звѣзды.
Въ развитомъ свиткѣ долгой череды
Всѣ числа ждуть ключа для сочетанья.

Гдѣ ключъ? Гдѣ ключъ? Ты слышишь-ли рыданье
Глубинъ Огня съ потоками Воды?
Всѣхъ бѣлыхъ лунъ опять растають льды
Предъ зеркаломъ полночнаго гаданья.

Ключъ! Ключъ! Любовь есть первый вѣрный вскрикъ
Вѣрности донесшееся пѣнье,
Журчащій громъ, взорвавшійся родникъ,—

Плѣнительность щемящаго влюбленья.
Но Смерть вѣрнѣй въ уладахъ уязвленья.
Приди съ ключомъ, всѣхъ чувствъ моихъ двойникъ!

ЗАВѢТРІЕ.

Смерть насъ въ дивное завѣтріе зоветъ,
Тамъ плывётъ видѣній свѣтлыхъ хороводъ.
Тамъ въ заоблачномъ слагаются хвалы
Передъ Тѣмъ, Кто видитъ дальше, чѣмъ орлы.

Здѣсь мы вихрями носимы, нѣтъ ихъ тамъ,
Здѣсь мятели намъ свирѣли по стѣнямъ.
Тамъ завѣтріе въ цвѣты завѣтъ снѣга,
Море синее не точитъ берега.

Смерть насъ въ тихое завѣтріе возьметъ,
Тамъ есть музыка, что сладостнѣй, чѣмъ медь.
Тамъ есть свѣты, что свѣтлѣе нашихъ свѣчь,
Нѣтъ разлуки, но всегда есть радость встрѣчь.

ОКО.

Я Око всеобъемное. Во мнѣ
Стѣсненья горь. Ихъ темные уступы
Ведутъ въ проваль, гдѣ ключъ журчитъ на днѣ.

Мнѣ хлопья мглы—охваты и ошупы,
Какъ слизняки, что строить жемчуга,
И замыкаютъ ихъ въ свои скорлупы.

Рѣсничные для Ока берега
Земля внизу и сверху Звѣздомлечность,
Давъ крышки гроба, вѣки, тѣнь врага.

Мой врагъ—предѣль. Мой взоръ уходитъ въ Вѣчность.
Предметное—лишь вѣхи для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Все шире Глазь. Все больше въ немъ огня.
Когда-жъ въ кострахъ пустотъ свой путь планеты
Пройдутъ, и кругъ свершатъ ночей и дня,—

Въ одинъ объемъ содвинутся всѣ свѣты,
Все будетъ—Око, зрящее себя
И въ пламени, гдѣ всѣ сгорятъ предметы,

Потонетъ Время, Вѣчность возлюбя.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

En esta vida todo es verdad...

Calderon.

I.

Я былъ на зиккуратахъ Вавилона,
Богъ Солнца жегъ меня своимъ лучомъ,
И, жрецъ, я препоясанъ былъ мечомъ,
А мой псаломъ былъ завываньемъ стона.

Я въ жаркомъ Кэми древняго закона
Былъ солнечникъ. И мыслить я. О чемъ?
О томъ, что Узури—судья съ бичомъ.
И звѣздный цѣльъ взвивался въ вихряхъ звона.

Я былъ вездѣ. Я древле былъ Варягъ.
Вся кровь моя есть красный путь къ Валгаллѣ.
И каждый мнѣ желаннымъ былъ какъ врагъ.

Я былъ жрецомъ на грозномъ теокалли.
И, дымный въ грудь вонзаль обсидіанъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ вся кровь вѣковъ и странъ?

Все въ мірѣ правда, въ мірѣ все обманъ,
 En esta vida todo es mentira,
 Y todo es verdad. Въ основахъ міра
 Законъ разрыва намъ глубинно данъ.

Вмѣстишь-ли въ малой каплѣ Океанъ?
 И да, и нѣтъ. Среди веселій пира
 Безъ плача звонкой можетъ-ли быть лира?
 Мостъ радугъ упирается въ туманъ.

Когда бы въ Океанѣ безграничномъ
 Мы медлили, мы были бъ слитны съ нимъ.
 А въ каплѣ брызги радугъ мы дробимъ.

Смѣемся мы и плачемъ въ маломъ личномъ.
 Въ вертѣньи круга—радость и печаль,
 Но въ высь ведетъ змѣиная спираль.

3.

Я не ропщу. Миѣ ничего не жаль.
Я вижу брата въ сильномъ и въ убогомъ.
Я жертвой былъ и жертву взявшимъ богомъ.
Я сердце и пронзающая сталь.

Я близъ—родной души. Я духъ—и даль.
Я улыбаюсь, медля надъ порогомъ.
Застывъ, молюсь въ отъединеньи строгомъ.
Я вижу, какъ рубинъ течетъ въ хрусталь.

Я чувствую, я знаю, что за гранью
Предѣльнаго я вновь найду родникъ,
Гдѣ гранью изъ безграннаго возникъ.

Со всѣмъ моимъ приду туда, какъ съ данью.
Глянь въ зеркало, и вѣрь его гаданью:—
На днѣ глубинъ преображень твой ликъ.

РАВНЫЙ ИСУ.

И былъ тотъ городъ Исъ всѣхъ свѣтаѣ городовъ и счастливѣе. Было въ немъ цвѣтовъ и благовоній въ изобиліи. Любились въ немъ такъ, какъ будто тѣла суть души.

И великая съ Моря волна затянула однажды морскою водою городъ Исъ, гдѣ онъ и доныиѣ со всѣми своими башнями.

Изъ старинной лѣтописи.

1.

Зорки здѣсь люди издревле дондесь,
Каждая мысль обнажается,
Дашь талисманъ имъ,—усмотрятъ: „Не весь.
Что-то ты прядешь. Есть таинство здѣсь.“
Въ четкомъ черта завершается.

Каждое чувство утонченно здѣсь,
Каждый восторгъ усложняется.
Дашь имъ весь блескъ свой,—удержатъ: „Не весь.
Дай половину. Другую завѣсь“.
Солнечникъ въ вечеръ склоняется.

2.

Испанца видя, чувствую—онъ братъ,
 Хотя я Русскій и Полякъ стремленьемъ.
 Я близокъ Итальянцу звонкимъ пѣньемъ,
 Британцу тѣмъ, что Океану радъ.

Какъ Парсъ, душевной музыкой богатъ,
 Какъ Скандинавъ—гаданьемъ и прозрѣньемъ.
 Какъ Элинь, изворотливъ ухищреньемъ,
 Мысль, какъ Индусъ, я превращаю въ садъ.

Лишь съ потонувшимъ въ блескъ словъ Французомъ
 Не чувствую душевной связи я,
 Красива по-иному рѣчь моя.

И все же связанъ крѣпкимъ я союзомъ
 Съ столицею, что въ свой водоворотъ,
 Свой ликъ храня, всѣ токи рѣкъ вбереть.

3.

Мнѣ нравится учтивая прохлада,
 Съ которой умъ уму, свѣтясь, далекъ.
 Любой Французъ—кипящій зимно токъ,
 Но это также—свойство водопада.

Вскликъ дѣвушки въ любовный мигъ: „Не надо!“
 Въ ней стройность чувства вылилась въ зарокъ.

Изъ этого есть что то въ ритмахъ строкъ,
Въ которыхъ мысль условнымъ чарамъ рада.

Парижъ—твердыня формуль, теоремъ,
Въ изящномъ онъ доходитъ до Китая.
Гдѣ я кричу,—онъ, созерцающа, нѣмъ.

Гдѣ я молчу,—потоккомъ словъ блистая,
Онъ говорить. Искусствомъ весь плѣненъ,
Искусственность въ chef-d'oeuvre возводитъ онъ.

4.

Есть тонкая виѣстыдность совершенства
Въ какъ будто бы безстыдныхъ торжествахъ
Явленья плоти, въ умственныхъ пирахъ,
Ведущихъ смыслы словъ до верховенства.

Художникъ знаетъ ясное блаженство
Отобразить въ колдующихъ зрачкахъ
Нагое тѣло, весь его размахъ.
Свѣтъ творчества есть право на главенство.

Но въ этомъ также тонкій ядъ разлить:—
Кто видѣлъ тайну, тайну не забудеть.
Парижъ—цвѣтокъ, который вѣчно будетъ

Изъ лицъ, изъ словъ, улыбокъ, стѣнь и плить

Струить намекъ, что звоны струнъ пробудить:—
Здѣсь тѣло въ духѣ цѣльнымъ сномъ горить.

5.

Парижъ, Paris, есть городъ, Ису равный,
А Ись былъ древле нѣкій Свѣтояръ,
Онъ потонулъ, морскихъ исполненъ чаръ,
И сталъ въ умахъ легендой стародавней.

Здѣсь въ храмѣ гимнъ Изидѣ пѣлся плавный,
Миръ для богинь сталъ холоденъ и старъ,
Она ушла, корабль оставя въ даръ,
Онъ взять какъ гербъ столицей своенравной.

И до сихъ поръ морской чутъ вѣетъ духъ
Надъ городомъ, что возлюбилъ измѣны,
Волна морей поетъ во всплескахъ Сены.

Звонъ серебристый, вкрадываясь въ слухъ,
Мерцаетъ въ рѣчи шелкомъ поцѣлуя,
Звѣзда морей все медлитъ здѣсь, колдуя.

6.

Паскаль. Бальзакъ. Бодлэръ. Вилье. Верленъ.
Колодець. Буря. Пропастъ. Перстъ нѣ. Пляска.
Скальпель. Циклонъ. Калѣянъ. Прозрѣнье. Сказка.
Пять факеловъ надъ станомъ сѣрыхъ стѣнъ.

Я чуюль—вами—общей доли плѣнь,
Вы вѣдали, что въ жизни боль завязка
Что красная скрѣпляетъ въ сѣромъ краска,
Что вертится веретено измѣнь.

Отъ бесконечно-малаго пробѣги
До бесконечно-грозныхъ величинъ.
Умъ—нищій. Умъ—верховный властелинъ.

Токъ вещества, застывшій въ стройной нѣгѣ.
Парижъ. Любовь. Ты вихрь включилъ во вздохъ.
Среди боговъ ты пятистрѣльный богъ.

7.

Парижъ есть стройная баллада,
Въ узоръ сплетенная кудель.
Но вдругъ въ Апрель
Завьется хмѣль,
И измѣняетъ обликъ сала.

Парижъ—законченный сонетъ,
Вся строгость бального наряда.
Но вдругъ отъ взгляда
Жжетъ услада,
И порванъ мѣрный мѣнуэтъ.

ИЗДРЕВЛЕ.

1.

Спокойная зеленая трава,
Вершины скаль, шатры небесь, лиловы.
Такія ткани часто носятъ вдовы.
А въ небосини тихія слова.

Неслышныя, лишь видныя едва,
Въ ней тучки, мля, рвутъ свои покровы.
Издревле ихъ сплетеня вѣчно новы,
Лишь сказкой ихъ любовь стеблей жива.

Клочокъ къ клочку, бѣлѣя, жметя плотно,
Уже не рвутъ они сквозную тканьъ,
А измѣняясь ткуть свои полотна.

Лавинный ходъ, снѣга, и бой, и брань.
Огонь къ огню стремится безотчетно.
Душа спала. Гроза грохочеть. Встань.

2.

Сквозь буквы молній, долу съ выси дань,
 Скользить псаломъ, онъ обернется громомъ.
 Два разныхъ рдѣнья стали водоемомъ,
 И звукъ дождя—какъ голосъ древнихъ нянь.

Усни. Проснись. Забудь. Не видь. Но глянь.
 Сѣдяя Мойры грезять по изломамъ.
 Въ ненайденномъ блаженство, лишъ въ искомомъ.
 Хоти. Цвѣти. Но, разъ расцвѣль, увянь.

Все тотъ же звукъ, сквозь пряжу дней, донынѣ.
 Сѣдяя Мойры, здѣсь я слышу васъ,
 Вдыхая вздохомъ крѣпкій духъ полыни.

Вся радуга—въ тончайшей паутинѣ.
 Свѣтъ звѣздный живъ, когда въ поблекшій часъ
 Шаръ Солнца потонулъ въ морской пустынѣ.

3.

За краткій мигъ сердечной благостыни
 Приму, приму тягучіе часы.
 Я вѣрный пахарь черной полосы,
 Молельникъ и слуга лѣсной святыни.

Мнѣ сладко знать, что глуби неба сини,
 Что рожь моя исполнена красы,
 Что для моихъ коней взойдутъ овсы,
 Что золото есть въ горной сердцевиѣ.

Снуеть челнокъ, прядя мечту къ мечтѣ,
 Да маревомъ заполнятся пустоты.
 Когда меня вопроситъ Голось: „Кто ты?“,—

Я пропою на роковой чертѣ:—
 „Я сумракъ тучки, полной позолоты,
 Цвѣтокъ, чья жизнь—кажденье Красотѣ.“

АДАМЪ.

Я богъ Атуму, Сушій, я былъ одинъ..
Атуму, богъ Солнцеграда, сотворитель
людей и дѣлатель боговъ... Атуму,
Солнце ночное...

Египетская Запись.

1.

Адамъ возникъ въ Раю изъ красной глины,
И былъ онъ слѣпленъ Божеской рукой.
Но въ этомъ колдоваль еще Другой,
И всѣ его стремленья не едины.

Такъ въ мѣрѣ все, отъ пламени до льдины,
Мѣняется. У кошки рѣзкій вой
Есть вскрикъ любви. И вѣтеръ круговой
Ломаеть лѣсъ, а въ немъ поютъ вершины.

Но, если бы одна была струна,
Не спѣть бы ей Симфоніи Девятой.
И потому я—нищій и богатый.

Мнѣ Ева—бѣлокурая жена.
Но есть Лилить. Есть часъ въ ночи заклятый,
Когда кричитъ сова и мчитъ Война.

2.

Когда кричитъ сова и мчитъ Война
 Потоки душъ, одѣтыхъ разнымъ тѣломъ,
 Я, призракомъ застывши онѣмѣлымъ,
 Гляжу въ колодець звѣздъ, не видя дна.

Зачѣмъ Пустыня Міра создана?
 Зачѣмъ безгранный духъ прильнулъ къ предѣламъ?
 Зачѣмъ,—возникну-ль желтымъ или бѣлымъ,—
 Но тѣнь моя всегда вездѣ черна?

Я пробѣгаю царственные свитки,
 Я пролетаю сонмы всѣхъ планетъ,
 Но Да, ища, всегда находить Нѣтъ.

Магическіе выдумавъ напитки,
 Я вижу сны,—но въ этихъ безднахъ Сна
 Я знаю, что легенда намъ дана.

3.

Я знаю, что легенда намъ дана
 Во всемъ, что возникаетъ какъ явленье,
 Что правда есть, но лишь какъ обрамленье,
 Картина же—текучая волна.

Въ потокѣ все. Не медлитъ пелена.
 Ни атома, ни мига промедленья.

Любви хочу, но есть одно влюбленье,
Влюбленность, хмель, создание звена.

Я, передь кѣмъ померкли исполины,
Я, таинства порвавший всѣхъ завѣсъ,
Въ Двѣнадцати искусный Геркулесь,—

Въ одномъ и въ двухъ—я слабъ, какъ листъ осины:—
Не есмь! Лишь всталъ,—ужь былъ, прошелъ, исчезъ,
Какъ изъясненье красочной картины.

4.

Какъ изъясненье красочной картины,
Задуманной не мною, а другимъ,
Какъ всплескъ, рожденный шорохомъ морскимъ,
Въ Любви и Смерти я лишь мигъ лавины.

Ни орлій летъ, ни громъ, ни голосъ львиный
Не чужды мнѣ. Въ вѣкахъ тоской томимъ,
Не разъ мнѣ Сатана былъ побратимъ,
И, какъ паукъ, спеталь я паутины.

Но лишь себя ловиль я въ тотъ узоръ.
И для кого свои мѣняю лики?
Я протянусь какъ змѣйка повилики,—

Я растекусь ключомъ по срываю горь,
Но ликъ мой—рознь. Въ себѣ—я не единый,
Цвѣты—въ снѣгахъ, Цвѣты—ростутъ изъ тины.

5.

Цвѣты—въ снѣгахъ, Цвѣты—ростутъ изъ тины,
Но что нѣжиѣ въ безднахъ бытія,—
Купава-ли болотная моя,
Иль эдельвейсъ, взлюбившій горь вершины?

И камыши, — когда среди трясины
Они шуршатъ,—тѣ шорохи струя,
Поютъ чуть слышно:—Слитны ты и я,
Когда умрешь. Дойди до сердцевины.

Смерть въ сердце поцѣлуешь. Смерть одна,
Вѣриѣй Любви, объятъею необманнымъ,
Къ тебѣ прильнетъ, и будешь въ счастья странномъ.

Съ низинами сольется вышина. —
Но нѣтъ. Бѣгу Зимы, къ восторгамъ жданнымъ
Цвѣты цвѣтутъ, когда идетъ Весна.

6.

Цвѣты цвѣтутъ, когда идетъ Весна,
Весною виденъ ладъ всемірной связи,

Лягушки скачутъ весело по грязи,
Отъ жаворонковъ рдѣть вышина.

Тамъ сверху Кто-то смотритъ изъ окна,
Что Солнцемъ называется въ разсказѣ,
Тотъ взглядъ внизу сверкаетъ въ каждомъ глазѣ,
Весною каждый хочетъ жить сполна.

Умри? Зачѣмъ искать я Смерти буду,
Когда весь умираю я въ Любви.
Ищи Любовь, Слѣди. Гонись. Лови.

Къ смертельному здѣсь причастишься чуду.
Весна зоветъ, вольна, хмѣльна, пьяна.
И въ Осени намъ власть цвѣсти дана.

7.

И въ Осени намъ власть цвѣсти дана,
Когда мы Смерть съ Любовью обвѣщаемъ.
Горитъ весь лѣсъ. За отдаленнымъ краемъ
Его владѣній—чу!— гудитъ струна.

Какая въ этомъ рдѣнии глубина, —
Такъ краски не горятъ веселымъ Маемъ.
И пусть печалью часъ утратъ терзаемъ, —
Безъ Осени вся наша жизнь бѣдна.

Лишь Осенью, въ канунный мигъ отлета
Заморскихъ птицъ, мы слышимъ журавлей.
И любимъ мы. И съ нами плачетъ Кто-то.

И любимъ мы. Больиѣ. Все больиѣи.
Цвѣтуть огнемъ—последнiя куртины.
И сказочный расцвѣтъ кристалла—льдины.

8.

И сказочный расцвѣтъ кристалла— льдины,
И сказоченъ нѣмой расцвѣтъ снѣговъ,
Когда мельканье бѣлыхъ мотыльковъ
Наложить власть молчанья на равнины.

Чьи кони мчатся? Бѣлы эти спины
И гривы ихъ. Чуть слышенъ звукъ подковъ
То тутъ, то тамъ. Безуменъ свѣтъ зрачковъ
Тѣхъ конскихъ глазъ. Тотъ шабашъ лошадиный.

Очей бѣлесоватыхъ— Ноябрью
Нѣмой привѣтъ. Текучимъ водамъ—скрѣпы.
Вертлявой вьюги норы и вертепы.

И на себя я въ зеркало смотрю.
Всѣ вымыслы торжественны и лѣны
Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю.

9.

Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю
 Всѣмъ внутреннимъ негаснущимъ вулканомъ,
 Я силу правды дамъ моимъ обманамъ,
 И приведу всѣ тѣни къ алтарю.

Умывшись снѣгомъ, боль въ себѣ смирю,
 Велю мечт.мъ стать многоликимъ станомъ,
 Надъ Золотой Ордою буду Ханомъ,
 И, приказавъ, приказъ не повторю.

Есть власть въ мечтѣ. Я это слишкомъ знаю.
 Какъ лдяный вихрь, я цѣлый мѣръ скую,
 Что-бъ онъ молчаньемъ славу пѣлъ мою.

И вдругъ—въ избушкѣ я, и, внемля лаю
 Моихъ собакъ, я искрюсь и пою
 Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю.

10.

Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю,
 Всѣмъ ужасомъ безжалостной Зимы,
 Преджизненными нежитями Тьмы,
 Что вражескую въ мѣръ стремили стаю,—

Той пыtkою, когда душой рыдаю,
Узнавъ, что нѣтъ исхода изъ тюрьмы,
Комкомъ, во что склеилось наше Мы,
И гробомъ, гдѣ, какъ тлѣнь, я пропадаю,—

Не дамъ себя всѣмъ этимъ побѣдить,
И въ крайній мигъ, и въ часъ мой самый жалкій,
Моя душа работница за прялкой,—

Я съ пѣніемъ кручу живую нить,
Хоть въ пражѣ радость я перемежаю
Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю.

11.

Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю,
Въ безбрежныхъ дняхъ Земли я освященъ,
Я голубымъ вспоилъ расцвѣтомъ ленъ,
Онъ отцвѣтеть, я въ холсть его свиваю.

Я въ бѣлизну всѣхъ милыхъ одѣваю,
Когда для милыхъ путь Земли свершенъ,
Въ расплавленный металлъ влагаю звонъ,
И въ немъ огнемъ по холоду играю.

Какъ вѣрный рабъ, неся дары Царю,
Освобождаетъ мудрою десницей,
И трудъ раба вознагражденъ сторицей,—

Я въ золото всё прахи претворю,
Да въ Смерти буду встрѣченъ, блѣднолицый,
Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю.

12.

Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю,
Надъ этимъ міромъ будней, топей, гатей,
Всѣмъ таинствомъ безчисленныхъ зачатій,
Жизнь шлетъ призывъ, и я съ ней говорю.

Я къ древнему склоняюсь янтарю
И чую духъ смолистой благодати,
Враговъ считаю вспыхнувшія рати,
Встаю въ рядахъ и съ братьями горю.

Что можно знать,—въ себя взглянувъ, я знаю,
Во что возможно вѣрить,—стерегу,
Чтобъ на другомъ быть свѣтломъ берегу.

Творя огонь, иду къ Святому Гаю,
И пусть себя, какъ факель, я дожду,
Клянусь опять найти дорогу къ Раю.

13.

Клянусь опять найти дорогу къ Раю,
И въ Отчій Домъ возвратъ мнѣ будетъ лань,

Когда сполна исчерпаю обманъ,
Въ которомъ зерна правды я собираю.

И къ нищенскому если караваю
Касаюсь здѣсь,—къ преѣтамъ новыхъ странъ
Я устремлю свой смѣлый караванъ,
Оазись—мой, мнѣ зацвѣтетъ онъ, знаю.

Когда я самъ себя перебору,—
Какой еще возможенъ недругъ властный.
За краемъ сновъ есть Голось полногласный.

Идетъ Тепло на смѣну Декабрю.
И пусть года терзаюсь въ пытки страстной,—
Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.

14.

Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.
Не мнѣ, не мнѣ, пока иду я тѣнью,
Здѣсь предаваться только упоению,
Но въ рабствѣ я свободный выборъ зрю.

Я былъ цвѣткомъ, я зналъ свою зарю,
Сталъ птицей я, внималъ громамъ какъ пѣнью,
Былъ днемъ въ году, псалмомъ я былъ мгновенью,
Къ земному да причгусь календарю.

А если онъ окончился,—такъ что же?
Не лучше ли горѣнья краткій часъ,
Чѣмъ бездны Тьмы? Будь милостивъ мнѣ, Боже.

Ты далъ стада мнѣ,—я ихъ зорко пасъ.
Не для того-ль, чтобъ сжечь весь плѣнь холстины,
Адамъ возникъ въ Раю, изъ красной глины.

—15.

Адамъ возникъ въ Раю—изъ красной глины.
Когда кричитъ сова и мчитъ Война,
Я знаю, что легенда намъ дана—
Какъ изъясненье красочной картины.

Цвѣты—въ снѣгахъ, цвѣты растутъ—изъ тины,
Цвѣты цвѣтутъ,—когда идетъ Весна,
И въ Осени—намъ власть цвѣсти дана,
И сказочный расцвѣтъ кристалла—льдины.

Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю,
Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю,
Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю,—

Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю,
Клянусь опять найти дорогу къ Раю:—
Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.

ОРДАЛИИ.

1.

Я сталъ какъ тонкій блѣдный серпъ Луны,
Въ ночи возставъ отъ пиршества печалей.
Долгъ. Долгъ. Должна. Я долженъ. Мы должны.

Но я пришелъ сюда изъ вольныхъ далей.
Ты, Сильный, въ чье лицо смотрю сейчасъ,
Пытуй меня, веди путемъ ордалій.

Въ мои глаза стремя бездонность глазъ,
Къ ордалиямъ онъ вель тропинкой сонной: —
Вѣ ы, огонь, вода, полночный часъ,

Отрава, плугъ въ отрѣзѣ раскаленный,
Сосудъ съ водой, гдѣ идолъ вымыть быль,
Змѣя, и губы, и цвѣтокъ замгленный.

Ихъ десять, страшныхъ, въ капищѣ, кадиль,
Ихъ десять, совершеннѣйшихъ пытаній,
Узловъ, острый, ихъ десять въ жерлахъ силъ.

Вотъ, углубилось зеркало гаданій.
Ставь на вѣсы, качался я, звеня,
Быль взвѣшенъ, найденъ легче воздыханій.

Прошелъ черезъ сплетенія огня,
И, вскрикнувъ, вышелъ съ ликомъ обожженнымъ.
Въ водѣ, остывъ, забылъ о цвѣтѣ дня.

Въ полночный часъ я весь былъ запыленнымъ,
Межъ тѣмъ какъ къ Тайной Вечери я шелъ.
Я выпилъ ядъ, и утонулъ въ бездонномъ.

Горячимъ плугомъ, возлѣ сѣрыхъ селъ,
Вспахалъ такую пашню, что понынѣ
Тамъ только жгучій стебель росъ и цвѣлъ.

Сосудъ съ водой, гдѣ идоль былъ, въ гордынѣ
Я опрокинулъ, влага потекла,
Семь дней пути лишь цвѣтъ цвѣтеть поныни.

Змѣя свила мнѣ тридцать три узла,
И я возникъ посмѣшищемъ дракона,
Дробя собой безъ счета зеркала.

Я губы пилъ, но я не видѣлъ лона,
Къ которому я весь приникъ, дрожа,
Отвергъ губами губы, въ вихрѣ стона.

И длинная означилась межа,
На ней цвѣтокъ былъ, царственникъ замгленный,
Коснулся, цвѣтъ его былъ шаръ ежа.

Я десять воплей издалъ изступленный,
Я десять, въ пыткѣ, разорвалъ узловъ,
И былъ одинъ, дрожащій, побѣжденный.

А въ зыбяхъ сна былъ гулъ колоколовъ.

2.

О, то былъ часъ,—о, то былъ часъ,
Когда кошмары, налегая,
Всю смѣлость выпиваютъ въ насъ,—
Но быстро опозналъ врага я.

Былъ въ вихрѣ вражьиxъ голосовъ,
Но шель путемъ ведуще-тѣснымъ,
И при качаніи вѣсовъ
Былъ найденъ цѣнно-полновѣснымъ.

Какъ золотистое зерно,
Какъ самородокъ, въ прахахъ цѣльный,
Какъ многозмѣнное звено,
Что держитъ якорь корабельный.

3.

Не рыдая, дождался я огненныхъ рдяныхъ ордалий,
 Не вздыхая, смотрѣлъ, какъ горить, раздвигаясь,
 костерь,
 Самоскрѣпленный духъ—какъ клинокъ изъ отточенной
 стали,
 Человѣческой духъ въ испытаньяхъ бываетъ хитерь.
 Я припомнилъ, какъ въ дни возвѣщеній, что знала
 Кассандра,
 Человѣческой токъ былъ сожженъ въ прославленье
 погонь,
 Я припомнилъ тотъ знакъ, при которомъ, горя, саламандра
 Не сгораеть, а лишь веселить заплясавшій огонь.
 И взглянувъ какъ Весна, я взошеть въ задрожавшее
 пламя,
 Отступила стѣна, отступила другая стѣна,
 Черезъ огненный путь я пронесъ многоцвѣтное знамя,
 И, нетронуть огнемъ, наклонился къ криницѣ безъ
 дна.

4.

И помолясь святой водицѣ,
 Ее ничѣмъ не осквернилъ.
 Отъ благъ своихъ далъ звѣрю, птицѣ,
 Былъ осребренъ отъ звѣздныхъ силъ.

Быль позлащенъ верховнымъ Шаромъ,
Что Солнцемъ назвалъ въ пѣснѣ я.
Предупреждающимъ пожаромъ
Я былъ въ провалахъ Бытія.

5.

Полночный часъ я весь окуталь въ тучи,
Поилъ въ ночи, для должныхъ миговъ, громъ,
Псалмы души зарнились мнѣ, пѣвучи,
И колосились молніи кругомъ.

Насущный хлѣбъ отъ злой спасая чары,
Я возлюбилъ небесное гумно,
И я восполнилъ звѣздные амбары,
Имъ принеся душистое зерно.

6.

Ахъ, ядъ въ отравныхъ снахъ красивъ,
И искусился ядомъ я.
Но выпилъ ядъ, заговоривъ,
Я имъ не портилъ стебли нивъ,
Въ свой духъ отраву мысли вливъ,
Я говорилъ: Душа—моя.

О, я другихъ не отравляль,
Клянусь, что въ этомъ честенъ стихъ.

И можетъ быть, я робко-малъ,
Но я въ соблазнѣ ядовъ не впалъ,
Я лишь горѣлъ, перегоралъ,
Пока, свѣчой, я не затихъ.

Я съ Богомъ не вступаю въ споръ,
Я весь въ священной тишинѣ.
На полноцвѣтный ставъ коверъ,
Я кончилъ съ ядомъ разговоръ,
И не отравленъ мой уборъ,
Хоть въ перстиѣ—ядъ, и онъ—на мнѣ.

7.

Узнавъ, что въ плугѣ лезвіе огня,
Я имъ вспахалъ, для кругодневья, поле,
Колосья наклоняются, звеня,
Зернится разумъ, чувства—въ нѣжной холѣ.

Люблю, сохой разъятый, черноземъ,
Люблю я плугъ, въ отрѣзѣ раскаленный,
Съ полей домой, вдвоемъ, мы хлѣбъ несемъ,
Я и она, предъ кѣмъ я рабъ влюбленный.

8.

Сосудъ съ водой, гдѣ идолъ былъ,
Гдѣ идолъ вымыть былъ до бога,

1
Я освятилъ крестомъ стропиль,
Поставиль въ глубинѣ чертога.

И онъ стоитъ, закрывъ глаза,
Въ своей красѣ необычаенъ,
Его задумала гроза,
Онъ быстрой молніей изваянъ.

9.

Жезль, мой жезль, которымъ скалы
Разверзаль я для ручья,
Брошень. Поднять. И опалы
Свѣтятъ сверху. Гдѣ змѣя?

Жезль, мой жезль, которымъ царства
Укрѣпляль я въ бытіи,
Блещеть. Кончены мытарства.
Сплель съ жезломъ я двѣ змѣи.

10.

Румяныя губы другъ другу сказали,
Въ блаженствѣ сліявшихся усть,
Что, если цвѣты и не чужды печали,
Все-жь медь благовонень и густъ.

И если цвѣты, расцвѣтая, блистая,
Все-жь вѣдаютъ, въ веснахъ, и грусть,

Прекрасна, о, смертный, молитва святая,
Что ты прочиталъ наизусть.

Красивы нелгушія влажныя нѣги,
Цѣлуй поцѣлуй до дна,
Красивы уста и застывшія въ снѣгѣ
Сомкнутыя смертельнаго сна.

Смотри, какъ торжественно стройны и строги
Твои, перешедшіе мость,
Твои дорогіе, на Млечной Дорогѣ,
Идущіе волею звѣздъ.

11.

И если вправду царственникъ замгленный
Послѣдній есть среди цвѣтовъ цвѣтокъ,
Его шипы даютъ намъ платъ червленый,
Волшебный платъ, махни—и вотъ потокъ.

Не слезъ потокъ, а полноводье тока,
Въ которомъ всѣ, что жаждутъ безъ конца,
Придя, испьютъ, придя, вздохнуть глубоко,
И примутъ сказку водъ въ черты лица.

Забвенные, какъ голосъ грезы звонной,
Какъ лучъ въ ночи, пришедшій съ высоты,
Они возьмутъ тотъ царственникъ замгленный.
И такъ пойдутъ. Возьми его и ты.

Такъ видѣлъ я, во снѣ-ли, наяву-ли,
Видѣніе, что здѣсь я записаль,
И весь, душой, я былъ въ Пасхальномъ гулѣ.

За звономъ звонъ, какъ бы взнесенный валъ,
Гудя и убѣжденно возростая,
Дивящуюся мысль куда-то мчалъ.

Какъ будто обручалась молодая
Луна съ Звѣздой въ заутрени Небесъ,
И млѣли мраки, сладко въ Солнцѣ тая.

Привѣтъ, огонь, вода, и лугъ, и лѣсъ,
Ты, капля крови, цвѣтикъ анемона,
Цвѣти, привѣтъ, я вѣрю въ путь чудесъ.

Я малый звукъ въ великихъ зыбяхъ звона.

ПОЛНОЧЬ.

Зеленое древо нездѣшняго сѣва, быть можетъ съ Венеры,
быть можетъ съ Луны,
Цвѣло, расцвѣтало, качалось, качало, и птицами пѣло, и
рѣяли сны.
Топоръ былъ веселый, жужжащія пчелы летѣли, бросая
свой улей навѣкъ.
Ударъ былъ упорный, припѣвно-повторный, и звонкую
пѣсню пропѣлъ дровосѣкъ.
Мы все это знали изъ дыма печали, изъ пѣнья и тлѣнья
пылающихъ дровъ.
Такъ будетъ и съ нами, съ горящими въ Храмѣ, такъ будетъ
съ мірами во вѣки вѣковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Навѣкъ	5
Солнцезернь	6
Чась и домъ	9
Звѣздная пляска	11
Медь вѣковъ	16
Законь свѣтиль	18
Отъ Солицы къ Солнцу	19
Имена	20
Тайна	21
Канунъ	22
Наручни	23
Поющее Дерево	24
Звѣрь-Цвѣтокъ	27
Я играю берегами	28
Ларець	30
Нѣмой ураганъ	31
Вѣтви	32
Водоворотъ	33
Колдующій	34
Красота	35
Линія Природы	36

	Стр.
Молчаніе	37
Вѣрнымъ путемъ	38
Четыреликій	39
Звѣриное число	41
Отъ предѣльности	43
Сказка Мѣсяца и Солнца	44
Снѣговья руны	47
Снѣжные боги	48
Саги	50
Сага	51
Лѣтопись лисьевъ	53
Прозрѣнье	56
Утро Земли	57
Въ былое время	58
Тотъ предокъ	60
Рука	61
Закатная Пирамида	62
Алый изумрудъ	63
Солнечникъ	64
Ти-Вить	65
Мигъ благовѣстія	67
Царь-Трава	69
Краса цвѣтка	70
Отраженіе	71
Садъ	72
Медъ	73
Сарасвати	74
Пѣніе	75
Индія	78
Танецъ искръ	79
Вѣнчаніе въ странѣ лотоса	80

	Стр
Деодарь	82
До рожденья	83
Сонетное теченье	84
Кольцо	85
Портретъ	86
Ключъ	87
Черезъ вѣка	88
Знаки	88
Звукъ звуковъ	91
Скиѣская лѣтопись	92
Кто кого	95
Дуга	96
Ковчегъ Завѣта	98
Ушедшій	99
Превращенія	100
Изъ вьюги	101
Стрѣла	102
Ходящая сила	103
Весеннее	104
Древостукъ	105
Весенній свѣтъ	106
На мельницѣ	107
Неизъяснимое	110
По зарямъ	111
Иная жизнь	112
Ожерелье	113
Изъ дремы	114
Отъ Солнца	115
Громовымъ свѣтомъ	116
Подъ знакомъ Луны	117
Къ Лунѣ	118

	Стр.
Подъ вѣтромъ	119
Пять	121
Греза	122
Алая вишня	123
Вдругъ	124
Ворожея	125
Лоза	126
Пересвѣтъ	127
Въ потокѣ	128
Подъ деревомъ	131
Кристаллъ	133
Свистъ	137
Вопль къ Вѣтру	138
Саваны	139
Несчастье	140
Золотымя аметистомъ	141
Въ тихомъ заливѣ	142
Вечерній вѣтеръ	143
Алыча	144
Скажите вы	145
Тамаръ	146
Грузія	147
Любовь	150
Древній перстень	151
Сквозь слѣпоту	152
Верховный звукъ	153
Зовы	154
Орхидея тигриная	155
Сглазь	156
Черное зелье	158
Чернокниже	159
Помѣстье	161

	Стр.
Предѣль	163
Изъ подземелья	164
Вихри	166
Зелья	167
Заговоръ о коняхъ	169
Бѣгъ	170
Царевичъ изъ сказки	171
Упрямецъ	174
Саморазвѣчанный	175
Сосредоточіе	176
Два бога	177
Псаломъ Земли	178
Искры тайнъ	179
Клубокъ	180
Если хочешь	181
Сонъ	182
Плита	183
Мойры	184
Довѣріе	186
Ama nesciri	187
Отшельникъ	188
Ужь полно	189
Подвижная свѣча	190
Превозмогшая	191
Святой Боже	193
Молитва каждаго дня	195
Бѣлое вѣяніе	196
Нѣтъ мѣста тревогъ	197
Предъ зеркаломъ	198
Завѣтріе	199
Око	200

	Стр.
Преображеніе	201
Равный Ису	204
Издревле	209
Адамъ	212
Ордалиі	223
Полночь	232

ИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА. Цвѣтной бульваръ, 12, телеф. 3.38-45.

ПЕТРОГРАДЪ. Суворовскій пр., 29, кв. 25.

Павелъ Сухотинъ. Полянь. (Стих.). Ц. 75 коп.

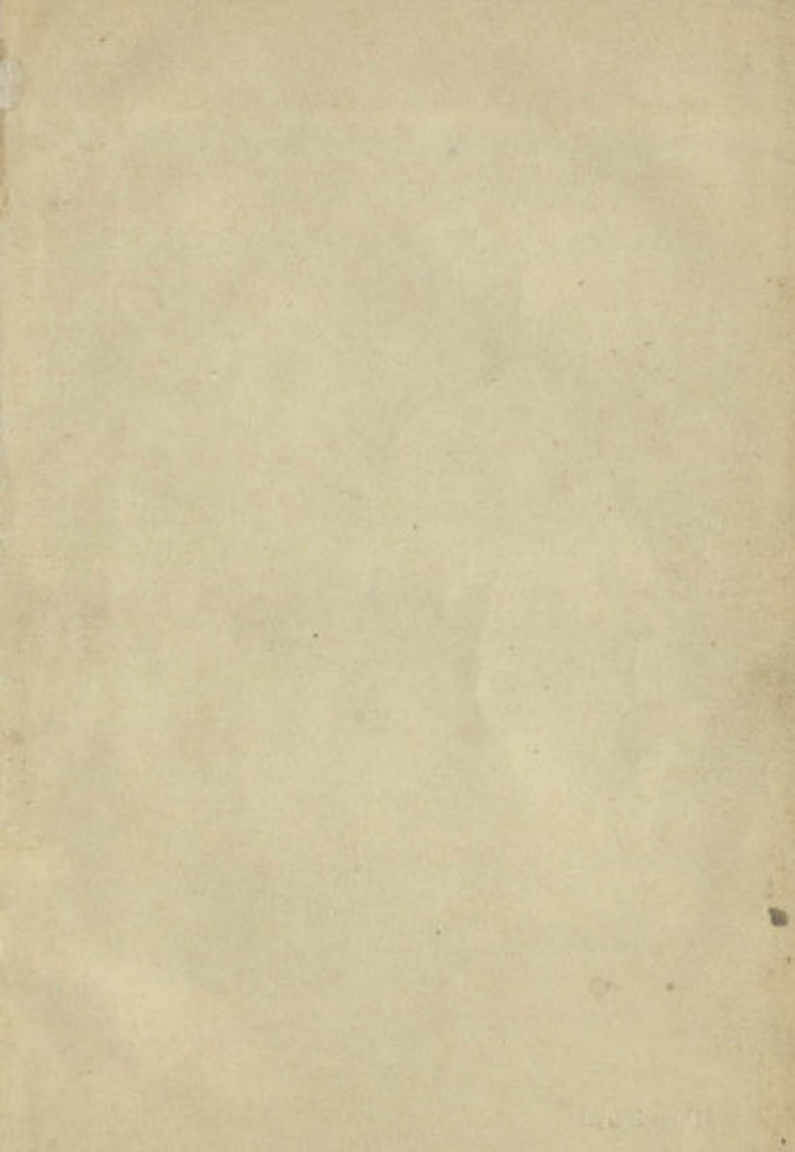
Валерій Брюсовъ. Семь цвѣтовъ радуги. (Стих.). Ц. 2 р.

Наталья Крандѣвская. Стихотворенія. Ц. 75 к.

Николай Ашукинъ. Скитанія. (Стих.) Ц. 75 к.

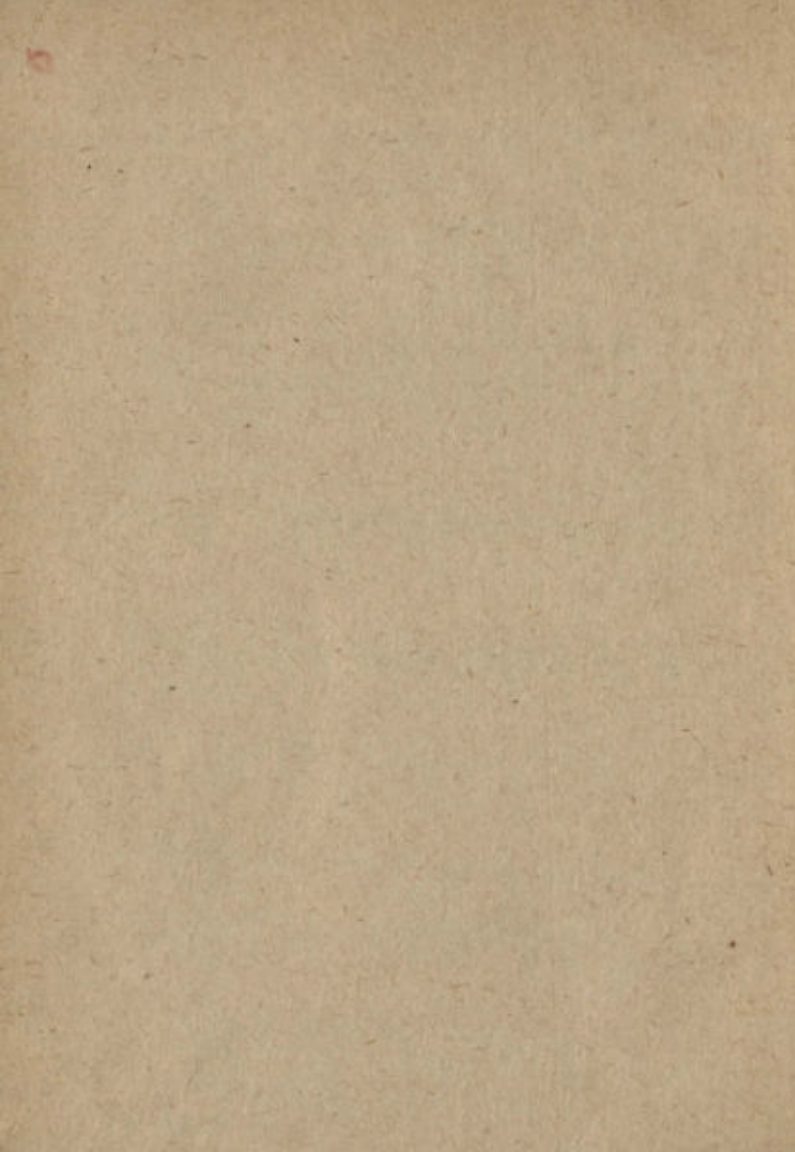
Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. Цѣна за 2 тома 5 руб.

Аполлонъ Григорьевъ. Собраніе стихотвореній. Вступительная статья и примѣчанія А. Блока. Ц. 3 руб. 50 к.

4

2012402975